
Вільне
Вольное
Казачество
Козацтво
25-го июля 1929 г.
40
25-го липня 1929 р.
ПРАГА
PRAHA
ГОД ИЗДАНИЯ 2-ОЙ
РІК ВИДАННЯ 2-ИЙ
М. Битинський

ОГЛАВЛЕНИЕ

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Земун. — П. К. — Продолжение очерка получено. Привет.

Франция. — С. М. — Получено. Спасибо за поддержку. Привет всем.

Югославия. — А. Ч. —Спасибо за поддержку. Привет всем.

Братислава. — И. Б. — Спасибо. Привет.

Париж. — Е. Я. — Получено. Будет использовано. Привет.

Болгария. — В. Б. — Спасибо за доброе слово. Привет Вам.

Польша. — Р. С. — Песня получена. Привет.

Югославия. — Г. М. — Получено. Добре. Вітаемо.

Югославия — А. Г. — Письмо и „опыт“ получены. Ответ будет письмом. Привет.

Увалы. — П. Б. — Получено. Ответ будет позже, т. к. некоторых адресов под руками нет. Привет.

Польша. — В. К. — Одержано. Вітаемо.

Болгария. — П. К. — Получено в последнюю минуту перед выходом номера, поэтому помещена только небольшая выдержка из В. письма. Привет Вам и всем казакам.

Београд. — Б. К. — Получено. Ответ — письмом. Все будет прислано. Привет.

Подебрады. — С. П. — Відповідь буде. Добре. Вітаемо.

Подебрады. — А. Ш. — Одержано. Вітаемо.

Морава. — В. О. — Получено. Привет.

Белград. — В. К. — Поздравляем! Ответ — письмом.

Париж. — А. Т. — Хорошо, журнал будет посылаться. Привет всем.

Орловат. — Г. А. — Корреспонденция и фотография получены. Будет помещено в следующем номере. Привет.

Румыния. — В. Е. — Получено. Будет послано. Привет.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ
В. П. Елисеев.
M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В ЮГОСЛАВИИ
Б. А. Кундрюцков. Београд, Кочина ул., 1.
F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“, soba br. 9.

В БОЛГАРИИ
П. В. Нос. София. Антим I, 75.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ
Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff,)
21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

НА ЮГЕ ФРАНЦИИ.
С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).
Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et C-ie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Редакция ж. „В. К.“ просит всех казаков, обращающихся к ней по тем или иным вопросам, не забывать в каждом письме обязательно четко и ясно писать свой адрес.

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

№ 40 | *Прага, четверг 25-го июля 1929 г.* | *№ 40*

Константин Поляков.
(*Прага*).

ДУМА ИЗГОЯ.

Беспредельные степи отчизны
Далеко за морями широкими...
Мы, — изгои, с долей капризною
В городах чужих — одинокие.

В шумных улицах их столицы
Рвутся с болью сердечные струны...
Мы, как вольные, дикие птицы,
Злым врагом с гнезд степовых вспуганы.

И летаем, кружим по поднебесью
Над разбитыми нашими гнездами —
Днем с унылою, долгою песнею,
Ночью делимся горем со звездами.

Нас окутали темные тучи,
Крылья ломят нам вихри безвременья, —
Но мы веруем в светлое, лучшее
Нашей родины, нашего племени.

Беспредельные степи далекие
За бездонным бушующим морем...
Долго-ль будем еще одинокими
Мы изгои, узнавшие горе?..

Я. Рудик.
(*Прага*).

* * *

Багато за волю братів моїх вбили...
Могили, могили, високі могили...
Чорніють, чорніють в степах і горах,
Мов в келії тихій молящий монах.

Щоб воля святая на віки зійшла,
Червоною довго кропили поля...
Могили, могили, високі могили...
Так доля і Бог нам жорстоко судили.

Країну свою ми нестямно любили...
Могили, могили, високі могили...
А доля свавільна піднесла вигнання
За Краєм далеким солодкі зітхання.

Ах, мрії рожеві, як змій, ви манили...
Могили, могили, високі могили...
Там сльози криваві лишилися з ними,
Тут туга і злидні між людьми чужими.

Колись зза могили нам воля зійде,
Засяє, як сонце, і сльози утре!
На лють ворогам ти на віки б засяла,
Країна щоб лиха й руїни не знала!

Вадим Курганский. (*Белград*).

Клятва.

Холодно!..

Через незавешенное окно далекой пеленой растянулась черная от с утра непрекращающегося дождя степь. Далеко-далеко — насколько глаз хватает и еще дальше, туда — за мутную линию горизонта, на север. Тусклое, мутное небо, тусклые, мутные облака, едва заметными пятнами грязи проступающие на сизом фоне. и косой, мелкий дождь... По стеклу бегут узкие струйки, кривятся в их потоках ветви качающихся от ветра деревьев под окном...

Маленький, степной хуторок затерялся в необ'ятных просторах. Ни души вокруг, только небо, степь, дождь, и ветер, и холод, холод... Холод везде — и снаружи, за тонкими стенками дома, и в небольшой, низкой комнате, и внутри — застывшей, оцепеневшей душе... Холодно, холодно!..

В стенном, покосившемся зеркале туманно отразилась стройная, хрупкая фигурка, круглое, еще недавно веселое, жизнерадостное, а теперь бледное, истомленное личико, черные змеи кос, худые плечи, дрожащие под накинутой теплой шалью... Себе самой не верилось — неужели же это она — Нина, хорошенькая, жизнерадостная Нина, дочь станичного атамана, еще институткой покорявшая все сердца на Екатеринодарских балах и вечеринках!..

Она улыбнулась, и улыбка была какая то иная, не та что прежде — измученная, усталая, болезненно страшная... Зябко вздрогнула и плотнее закуталась в

шаль — в комнате холодно. Машинально встала, подошла к печке, потрогала остывшие, холодные кирпичи... Затопить?.. Позвать Федора, попросить принести дров?.. И тотчас же опять улыбнулась — зачем?.. Не все ли равно теперь?.. Казалось странным, непростительно-глупым, чуть не преступным возиться с печкой, заниматься обычными, серыми делами, когда т а м — за стенами дома разыгрывается это кроваво-страшное!..

Со стены пасмурно глядел большой портрет... Седые усы, нос с горбинкой, морщинистые щеки, низко-нависшие, мохнатые брови... Отец!.. Слава Богу — не дожил... Не довелось увидеть всего этого... Тяжело, непосильно тяжело бы было старому казачьему сердцу, все равно не перенес бы страшного времени крестных мук Казачества... Уж лучше так — умер, не зная и не предвидя ничего...

Где-то залилась глухим лаем собака, за ней другая, третья...

Нина вздрогнула, снова зябко еще плотнее закуталась в шаль и прошла по комнате... Боже, как тихо, словно вымерло все... За окном сквозь туман и дымку косого дождя чернели хаты хуторского поселения — безлюдные, жуткие, притаившиеся...

Не было страха за себя, за свою судьбу... Не хотелось думать о том, что скоро придут „они“, войдут в дом, будут грабить, выносить дедовское добро, бесчинствовать, может быть издеваться и глумиться над ней!.. Была только мертвящая тоска, да ноющая, беспрестанная мысль о н е м!..

Она подняла руку — на пальце тускло блеснуло обручальное кольцо... Улыбнулась — тихой, ясной, страдальческой улыбкой и крепко прижала кольцо к губам...

Как давно это было!.. Вспомнилась маленькая церковь в станице, недалеко от их хуторка, сморщенно-добродушное лицо священника, трепетные блики свечей на небогатой ризнице и сильная рука коренастого офицера в черкеске, крепко сжимающая ее дрожащую ручку... Торопливо, нервно шел обряд венчания, хором подхватывали слова песнопений наполняющие церковь казаки — в походных уборах, с винтовками за плечами, шашками у пояса... А снаружи глухо ржали кони, пугливо косясь в ту сторону, откуда частым, сухим треском доносилась стрельба.

Вспоминалось, как долго обвивала она руками шею человека, с которым только что связала свою судьбу, как глухо всхлипывали вокруг, стараясь сдерживаться, угрюмые казаки, как, наконец, вырвался из ее рук молодой и неровным срывающимся голосом скомандовал: „По-коням!.. Садись!.. Сотня, рысью марш-марш!..“ Вспомнилось, как долго откидывая с лица надоедливую, мешавшую фату, махала она платком вслед уходящей на рысях сотне... Вспомнила, как горько плакала она весь вечер и всю ночь, сначала в запущенном саду, припав к покосившемуся кресту на могиле отца и матери, а потом в маленькой спаленке, зарывшись с головой в подушки...

Да, давно это было!.. И с тех пор — год, больше года, ни разу не видела его — любимого, дорогого Бориса... Через месяц после венчания ушел с маленького хуторка и брат — последняя опора и поддержка... Не выдержало казачье сердце — сдал в аренду почуявшим наживу иногородним землю и пошел на Север, умирать за свободу и честь Родного Края. А через неделю пришло короткое извещение из штаба — убит в случайной стычке с красными!..

Только он один, только ненаглядный Борис и остался у нее после этого. Целый год — только короткие, отрывистые письма, — редкие проблески в непроглядной мгле, а теперь, теперь!..

Застонала, стиснув зубы, и снова крепко-крепко прижала к губам кольцо. Лучше не думать — страшно, холодно, холодно!...

Неожиданно резко настежь распахнулась дверь... На пороге — худой, сутулый старик — Федор. Только он один и остался около нее, он заведывал всем хозяйством, он вел счета с обнаглевшими, от'евшимися арендаторами...

— Чего, Федор?..

Начала и не договорила... Что с ним?.. Старческое, коричневое лицо искажено, мохнатые, пожелтелые усы дрожат, словно от плача, в глазах слезы...

— Він... пан... пан... неясно бормотал застревавшие в горле слова и дрожащей рукой указывал назад...

Но, не нужно было уже и слов — с отчаянным криком — Борис!.. метнулась мимо старого казака Нина и повисла на шее у широкоплечего, худого, кровавой грязью покрытого офицера в изорванной гимнастерке...

— Борис, родной, милый!.. невнятно шептала обессиленная радостью, покрывая изможденное, небритое лицо поцелуями. Федор плакал навзрыд, по детски, беспомощно суетился вокруг, бормоча что то непонятное и растерянно разводя руками...

— Нина!.. вырвалось наконец из неровно вздымающейся груди, — Нина!.. Меня травят... травят, как зверя... по горячему следу... Через минуту будут здесь... Придут... погибнешь и ты — я не хочу, не хочу... Я пойду... прощай!.. Хоть тебя увидеть... обнять... родная моя... любимая...

— Борис!.. снова отчаянно вырвалось у нее: Борис!..

И замолчала, обвив шею руками, прижавшись щекою к колючей, щетинистой щеке...

— Прощай... Нина... Я пойду!..

Недоговорив, умолк, зашатался, ища руками опоры... Федор едва успел подставить стул...

И в то же время со двора послышался гомон многих голосов, свирепый лай дворовых собак, заскрипели ступеньки и дверь задрожала от частых ударов...

— Пришли!.. По душу казачью пришли!.. в полубреду широко открыл глаза Борис... Приподнялся и тотчас же повалился назад — не было сил...

Федор, охая, метался по комнате, стук в дверь все усиливался, послышались грубые окрики и ругательства...

— Сюда, Борис!.. Скорей!..

Нина уверенно, гордо выпрямилась, сверкнула глазами... С не весть откуда взявшейся, загадочной в ее хрупком теле силой обняла талию мужа, поддерживая провела через всю комнату и соседнюю — в свою спальню. Осторожно положила на кровать, вышла и твердо-уверенно бросила Федору: отвори!..

С мольбой скрестив руки, устремила взгляд на образ, на безмятежно-строгий Лик Христа и кроткий, чарующий — Непорочной Девы...

Послышался чей-то хриплый голос, дрожащий шопот Федора, шаги... Быстро перекрестилась и стала прямо против входа — уверенная, спокойная, завернувшись в шаль и стиснув зубы — чтоб не стучали от неудержимого, внутреннего волнения.

Вошел — высокий, в защитном шлеме с красной звездой, в руке револьвер... Полное, нагло-красивое вызывающее лицо... Вошел и остановился, увидев ее...

Она заговорила сразу — не дать ему времени опомниться...

— Разве советская власть ведет борьбу с беззащитными женщинами?.. Почему вы врываетесь в мой дом, как разбойник?..

Сама удивилась — такая уверенность и гордая оскорбленность в голосе...

Вошедший не отвечал ни слова, оцепенев от удивления, устремив глаза на бледное лицо девушки.

— Что вам угодно?.. Я не понимаю... начала было снова, но он перебил, не дал договорить.

— Вы не узнаете меня, Нина Константиновна?.. проговорил он тихим, ехидно-вкрадчивым голосом. Она вздрогнула, вгляделась попристальнее. Красивое, наглое лицо, светлые усы, гибкая фигура — да, да вспомнила!..

Вспомнила — на вечерах, на балах он всегда был возле нее... Но, только тогда — блестящий, галантный армейский офицер, а теперь... Ухаживал, даже делал предложение и, получив отказ, клялся отомстить и перестал кланяться, а потом и вовсе уехал, перевелся в другое место... Он, он, вспомнила!..

В душе неясно возродилась было надежда... Возродилась и тотчас же исчезла, под насмешливым, глумливо-торжествующим взглядом... Он заговорил и в тоне звучало тоже наглое торжество:

— О, нет — мы не ведем войну против женщин! Но, мы безжалостно истребляем всех врагов советской власти и я имею все основания полагать, что один из таковых скрывается в вашем доме... И я обязан — особенно подчеркнул это слово — произвести обыск!.. Надеюсь вы извините меня?..

Он с наглой усмешкой сделал шаг по направлению к двери в спальню...

Это моя спальня!.. звенящим голосом, едва сдерживая накипающее — вот-вот вырвется — волнение проговорила Нина: — Неужели же вы — офицер, человек чести, войдете в спальню девушки для обыска!.. Там нет никого!..

Он остановился... Посмотрел на нее все с той же глумливой усмешкой...

— О, я охотно не сделал бы этого, особенно для вас, но... он склонился в низком поклоне — вы знаете — долг службы!..

Склонился, да так и замер с глазами неподвижно устремленными в одну точку... Она вздрогнула — страшная мысль осенила голову — кольцо, кольцо!.. Быстрым движением спрятала руку — поздно... Он поднял глаза, взглянул на нее, потом на дверь спальни и снова усмехнулся...

Понял!.. Последнее судорожное движение выдало ее... Понял, опять сделал движение к двери и вдруг остановился... Едкая, сатанински-злобная улыбка вдруг искривила губы...

— Впрочем... Я готов поверить вам... Только поклянитесь мне тут, сейчас, перед образом Всемогущего Бога, в которого вы, без сомнения, веруете, что в комнате нет никого и я уйду!..

Голос звучал глумливо, беспощадным, наглым издевательством... Пристально смотрел на ее мертвенно вдруг побледневшее лицо и, улыбаясь, ждал..

Клятва!..

Помутилось в глазах, сквозь туман проступило глумливое лицо... Страстно захотелось ударить изо всей силы по подергивающейся в дьявольской усмешке щеке... Из угла бесстрастно смотрел Строгий Лик...

Мысли в голове крутились в бешеной пляске... Он ждал, все с той же усмешкой, заложив руки за спину, слегка покачиваясь на носках... Ударить?.. Убить?.. Сорвать со стены дедовскую шашку и... Но перед глазами встало изможденное, небритое лицо и окровавленная фигура, там за тонкой дверью...

До крови закусила губу и медленно подняла взгляд на вызывающе стоящего перед ней человека. В этом взгляде застыла невыразимая, острая мука безысходности, и следы долгих, одиночных страданий, и тоска по несбывшимся грёзам... И было в этом взгляде еще что-то, отчего даже наглый красноармеец побледнел и судорожно рванулся вперед, как бы желая остановить, удержать!.. Но, было поздно...

Голос ее прозвучал тихо, но внятно, ясно и отчетливо:
— Богом Всемогущим и Матерью Божьей — клянусь!..

Прозвучало — словно растаяло в сизых сумерках и снова воцарилась тишина... Сразу осунувшееся, помертвевшее лицо обратилось к нему... И во взгляде попрежнему застыло что-то такое страшное, что он задрожал, побледнел и безмолвно, торопливо, вобрав голову в плечи пошел к выходу... Стукнула входная дверь, неясно раздались голоса, сначала близко, потом все больше и больше удаляясь, и снова наступила тишина — мертвая беспробудная...

С отчаянным, наболевшим в душе стоном повалилась Нина на колени перед образами... Все так же строго и безучастно смотрел холодный Лик, и только мягко-скорбно улыбалось ясное лицо Богоматери...

А когда очнулась и нетвердыми шагами вошла в спальню, он лежал неподвижно на кровати и улыбался холодной, счастливой улыбкой, глядя вверх невидящими уже, остекленевшими глазами, стискивая в похолодевшей руке рукоять браунинга...

С минуту она молча смотрела на неподвижное тело, затем спокойно наклонилась, крепко поцеловала в безучастные, полуоткрытые губы, перекрестила и, вынув из оцепеневших пальцев револьвер, вышла...

Она знала, что дорога от хутора делает большой поворот и, выйдя из дому, пошла по грязной, вязкой земле, под холодным дождем, наперерез, через запаханные поля...

Когда она подошла к кустам, окаймлявшим дорогу, из-за поворота, с шумом и спорами, высыпала нестройная толпа красноармейцев... Впереди всех шел он...

Дождавшись, пока толпа поравняется с ней, она спокойно вышла из за кустов, равнодушно размеренным шагом подошла к нему и молча выстрелила ему в лицо — раз, другой, третий!.. Все так же молча выпустила она все остальные заряды в уже упавшее, лежавшее без движения тело, и потом бросив револьвер, спокойно повернулась к оцепеневшим от неожиданности красноармейцам...

Губы невнятно шептали одно слово — Борис!.. а в кровавом тумане дождя перед глазами все стоял строгий Лик... Он колыхался перед ней еще и тогда, когда свирепый удар прикладом сбил ее с ног и острые жала штыков вонзились в тело...

Дождь не прекращался, назойливо засевая поля мелкими косыми нитями... Становилось еще холоднее, темнело... Над просторами Кубанских степей опускалась долгая, страшная, давящая ночь!..

Ив. Бойко.
(Братислава).

* * *

Давно, давно, чуть только помню,
Когда ребенком еще был,
Я страх к нему питал невольный,
Он в сердце ужас мне вселил!..
Но и потом уже, с годами,
Когда подрос я, возмужал,
Все тот же ужас, страх невольный
К нему попрежнему питал!..
Хотя я верю в Провиденье
И преклоняюсь пред Судьбой,
Но тут моя бессильна воля,
Я не владею сам собой!..
Грудь разрывается от боли,
Я задыхаюсь... давит он...
И так всегда, когда услышу
Я... колокольный перезвон...

15-VII-29.

Людмила Костина.
(Югославия).

* * *

Я вчера тосковала в своем одиночестве
О багряных лучах догоревшей зари,
О каком то несбывшемся жутком пророчестве,
О бесплодных порывах мятежной души.
Летний вечер дремал, полный грусти чарующей,
И, казалось, печалился вместе со мной, —
Тихий голос звучал, серебристый, волнующий, —
Кто-то пел о былом с затаенной тоской.
В этот вечер тоски и покоя уснувшего
Все парило со мной в невозможных мечтах
И казались загадками счастья минувшего
Полусонные тени на стройных цветах.
Я грустила вчера... Эти звуки печальные
Пробудили улыбку заглохшего дня,
И, тревожа в душе отголоски прощальные,
Прислонившись к окну, я вас тихо ждала.
Вы не шли: Вы не знали, что тайны загадочной
Я искала хоть отблеск в холодных лучах,
Сбросив гордую маску, в мечтах беспорядочных,
В тишине тосковала о Ваших глазах...

В. И. Балабин. (*Болгария*).

Птицы перелетные.

Ясный и тихий весенний день; на небе ни облачка; живительные лучи солнца щедро лились на землю, будя ее уснувшие силы.

Она-же, отдохнувшая за зиму, размягченная и мокрая от растаявшего снега, тихо клубилась едва заметным паром.

— „Ишь! земля-то как парует"! произнес кто-то.

А вверху, в голубой выси неслись караваны диких уток, весело рассекая своими узкими крыльями воздух, производя свист, так волнующий сердце охотника. Изредка проносились караваны гусей и казарок.

Все они спешили, весело перекликаясь, на родину, в те места, где впервые увидели свет Божий.

Но, это веселое путешествие к северу, эти радостные звуки были вверху, в воздухе, а что-же творилось внизу, на земле?

На земле была совсем иная картина.

По широкой, грязной, разбитой, растоптанной и разхлябанной дороге, пролегающей между бесконечных пашень в необозримой Кубанской степи, двигался целый поток подвод, утопающих по ступку в грязи, верховых и пеших.

Все это ехало, шло, двигалось и ползло, изнемогая и выбиваясь из сил в невылазной грязи, в сторону противоположную пути воздушных путешественников.

На измученных лицах, серьезных, суровых и хмурых, можно ясно было прочитать лишь одно: вперед и вперед, и как можно скорее вперед.

Куда же текла эта живая река?

Где конец этому ужасному пути?

Где конец этим сверх-человеческим неописуемым мукам?

Куда стремится этот народ?

Во имя каких идеалов обрек он себя таким невыразимым мукам, таким тяжким испытаниям и страданиям?

Да! Это двигался целый народ.

Это — Донские казаки.

Они ушли с своей родины. Они бросили все, что им было близко и дорого; бросили свое веками нажитое имущество; многие бросили старых родителей; бросили жен и детей.

Они не захотели и не смогли подчиниться гнету и насилиям палачей и тиранов, явившихся к ним на Дон со своими интернациональными лозунгами.

Они не захотели преклонить свои гордые головы перед каторжниками и убийцами.

Они не могли оставаться дома, ибо не смогли бы равнодушно видеть попрания своих прав и издевательства над своей родиной.

Воздушные путники двигались быстро и легко; земные-же медленно и тяжело.

У первых слышны были веселые голоса, а у вторых — вздохи и проклятия.

Те с каждым взмахом крыльев приближались к своим домам, а эти с каждым шагом уходили все дальше и дальше от своей родины и не знали, где-ж конец их пути.

У воздушных была определенная цель, а у земных ее не было безразлично куда итти, лишь бы не остаться у поработителей своей родины, лишь бы не испытать гнета извергов, не признающих никаких законов, ни Божеских, ни человеческих.

Название-же у них было одно. Воздушные его носили давно, а земные только что его получили — птицы перелетные.

Владимир Поляков.
(*Брно*).

* * *

Восток зацвел уж новыми цветами,
Но в эту ночь совсем я не ложился спать.
Передо мной в дубовой темной раме
Портрет стоит — в старинном платье мать.
Всю ночь я просидел, не смежив очи,
Глядя в твои родимые черты.
И в жуткий час томительной полночи
Ты нежно улыбалась мне из темноты.
Твоей улыбкой был согрет еще я в колыбели,
Когда в тиши вечернею порой
В станице где-то далеко играли на свирели,
Ты-ж песню пела мне про Край Родимый мой.
И в песне той жила любовь к Родному Краю
К степям, ковыль где клонится и пряная [полынь;
И легкий ветерок миражами играя,
Уносит ароматы трав в обманчивую синь.
Где цепью сторожа стоят — курганы,
Храня ревниво древнюю степную быль —
Как бились в старину казачьи великаны
И кровью полили своей седой ковыль.
Меня ты научила, мать, любить казачью волю
И Дона-Батюшки прозрачную волну;
Казачьей песней помогать тоске и горю
И о свободе лишь лелеять мысль одну.
И верь мне, мать, я сберегу твои заветы,
Я буду высоко держать казачий вольный стяг.
Желанной воли песня нами не пропета
И склонится еще пред стягом нашим злобный враг.

Гнат Макуха.
(*Югославия*)

* * *

Присвячую своїй любій
дружині Горпині Шевель.

Зіроньки яснії, ніченьки очі,
Бачите все ви в той час, —
Тож подивиться на очі жіночі
В рідному краї хоч раз.
Спокію зовсім не маю що ночі,
Хочу ж спочити хоч час,
Хочу почути про карії очі
Вістку коротку хоч раз.
Чи перестали їх слези ті мити,
Чи затуляються в сні? —
И що б довелося там вам побачить —
Вість принесіте мені.
Ох, коли б можна у купі із вами
Те ж подивиться й мені —
Оком би кинуть всюде степами
Вріднім, та милім, краї...
Може б побачив я любії очі,
Котрі так щиро кохав,
В котрі частенько темненької ночі
Вріднім садку заглядав.
Зіроньки яснії! вас я благаю
Тут у чужій стороні —
Про карії очі з рідного краю
Вість принесіте мені.
Кине тоді мене ссати гадюка,
Лихо забуду й нудьгу,
Й геть пропаде та пекельная мука
Й може я спокій найду.

Буря над Азией?

Недавно обошел почти весь свет советский фильм „Буря над Азией“. Фильм пропаганды лозунга: Азия — азиатским народам! Фильм учит азиатские народы, что пришла пора поднять „бурю над Азией“. Есть в нем и указания на то, как это делать и с кого начинать. По мысли авторов фильма начинать нужно в первую голову с Англии: Англия должна быть изгнана из Азии прежде всего. Это — в фильме.

Еще не так давно, красная Москва, проиграв социалистическо-коммунистический эксперимент в Европе, все свое „революционное“ внимание и лицо повернула к Азии, где вела чрезвычайно активную работу и политику в Китае, стараясь изо всех сил втянуть его в сферу интересов советской империи и „мировой революции“. Советы решили дать бой Европе в Азии при помощи желтой расы. Мы все знаем, каким безнадежным фиаско кончилась эта игра.

Ныне кажется, что то оружие, которым так лихорадочно большевики учили китайцев владеть против европейцев, как и вообще против всяких „капиталистов“ и „эксплоататоров“, — что это оружие направляется в первую очередь против учителей и подстрекателей. „Азия для азиатов“ — пока что, реализуется для начала в довольно практическом кличе: китайские железные дороги для китайцев!

Ближайшие дни укажут, есть ли это начало больших политических событий, или просто конкретное решение пока одного только „делового вопроса“ — отобрание у большевиков Восточно-Китайской железной дороги.

Из ежедневной прессы читатели знают развитие советско-китайского конфликта и его сегодняшнюю фазу: между обоими государствами прерваны дипломатические сношения; послы и консулы взаимно отозваны; закрыты границы; обе стороны лихорадочно готовятся к войне: и советские и китайские войска сосредотачиваются у пограничных исходных пунктов.

Будет война или не будет войны? — решит этот вопрос самое недалекое будущее. Сейчас во всяком случае сказать еще ничего нельзя, ибо... уже выступила с „предостережением“ обеих сторон С. Америка.

Что будет, чем кончится дальневосточная война, если она будет? — определенно ответить сегодня на этот вопрос было бы более чем рискованно. Сейчас война уже почти не бывает между двумя: один на один. В нынешнее время в каждом большом международном споре всегда бывает много „заинтересованных“ сторон, которые, если и не воюют сами, то потом принимают и часто очень деятельное и непосредственное участие... при заключении мира. Иногда и после заключения мира современные войны не кончаются, а ведутся дальше, но только иными средствами, напр. экономически. Победитель в войне сейчас часто не может использовать своих успехов, а побежденного спасают иногда „заинтересованные стороны“ на мирных конференциях от расплаты по мотивам „равновесия“ или другим каким. Коротко: теперешняя война не есть война изолированная.

Не была бы по существу изолированной и война советско-китайская, даже если бы формально она велась один на один. И уж во всяком случае мир заключался бы не только между этими двумя участниками.

Кто был бы еще втянут в войну, гадать не будем, но наиболее заинтересованными на Дальнем Востоке являются: Япония, С. Америка и Англия. Более чем вероятно, что непосредственно воевать они не будут, воевать будут (если будут!) китайцы и большевики. Но, мир будут заключать они: японцы, американцы, англичане. Точно также, преждевременно было бы говорить сейчас и на тему о том, как отозвалась бы возможная Дальневосточная война на положении дел в Европе.

Есть еще одна особенность настоящих войн: теперь война не является событием только „внешним“. Очень часто нынешняя война, решая вопросы политики внешней, решает косвенно и вопросы политики внутренней каждого из участников войны.

На примере последней Великой войны мы знаем, что значит для каждого воюющего иметь мировое общественное мнение за или против себя. В данном случае возможной войны советско-китайской наверняка можно сказать, что большевики его за собой иметь не будут.

Нашему поколению выпало на долю уже пережить две войны. Помним еще войну русско-японскую 1904—1905 годов. Для России в то время это была война колониальная, война из-за влияния на Дальнем Востоке России или Японии. Война, следовательно, чисто „внешняя“. Кончилась же она не только военным поражением России, но и революцией 1905 года и ограничением русского самодержавия.

Еще более неожиданно кончилась последняя Великая, Мировая война.

Разве, когда летом 1914 года (ровно пятнадцать лет тому назад!) раздался выстрел в Сараеве (убийство наследника Австро-Венгерского трона Франца-Фердинанда), то даже и те, кто тогда уже, в первый момент, знал, что война будет, может быть даже война европейская, разве мог кто сказать в то время, что она будет наибольшей в истории войной, мировой войной? Тем меньше мог он сказать тогда, в в начале войны, чем она окончится. Договоры, заключавшиеся между различными участками или группировками держав в первый период войны предусматривали совершенно иной конец. Ничья, самая буйная фантазия не могла предсказать, что случится через два года. Не говорим уже о том, как много пало тронов; пали целые империи; перестали существовать целые государства (и притом, Великие Державы!); многие народы до-

были себе свободу и повстали новые государства. На всем пространстве б. Р. империи произошли колоссальные события: пришли к государственной власти большевики-коммунисты и произвели свой социальный „эксперимент“; от советского государства отделились одни народы и образовали свои самостоятельные государства, а другие боролись и борятся еще за свое национальное освобождение: национальный вопрос на Востоке Европы встал во всей своей силе.

Было бы трудно поэтому сейчас гадать о последствиях Дальневосточной войны.

Но, эта трудность не освобождает никого из нас от того, чтобы не думать и не предусматривать этих последствий.

Казачество находится ныне в тяжелой и невыгодной ситуации. Оно не может в данный момент позволить себе роскоши думать о том, чтобы создавать события. Но оно должно и обязано подумать о том, как бы наилучше использовать в своих интересах события и каждую обстановку, созданные другими.

В 1905 году Казачество не поставило казачьего вопроса. Никакой казачьей идеи тогда еще не было. Казачество в большинстве спасало Россию от революционной анархии. Теперь оказывается, что революция 1905 года была только прологом, слабым вступлением к настоящей революции. То были цветики для тех ягодок, которые созрели несколько позже.

Наступили события 1917 и последующих годов. Рождается казачья идея. Возрождается идея казачьей государственности. Казачий вопрос начинает ставать, как вопрос сам по себе. Но... только начинает ставать. И поэтому среди Казачества нет еще единомыслия и единства, нет одинакового понимания своих интересов. Поэтому русские силы (и красные, и белые) и потянули его снова в решение русского революционного вопроса. И втянули в... русскую смуту. Казачество, не имевшее до того ясной программы решения своего вопроса, разделяется. В результате — крах и одних („белых“) и других („красных“).

Но, этот крах не только не снял с очереди дня казачьего вопроса, а наоборот, он был тем решительным толчком, который поставил, наконец, казачий вопрос во всей его полноте. И сейчас уже с исторической сцены казачья Идея не сойдет: Казачество решает и будет решать свой вопрос само.

Вольное Казачество дает решение этого вопроса — кроме тех предпосылок, о которых уже неоднократно говорилось на страницах нашего журнала, — исходя еще и из категорического отрицания служебной роли Казачества, которую ему навязывают все русские группировки и их партийные единомышленники из казаков; исходя из современного международного принципа решение национального вопроса, по которому Казачество может и должно получить возможность самостоятельного политически-государственного и культурного развития как народ, как отдельная племенная особь, а, след., как равный член среди других народов.

Раз мы говорим, что историческая судьба Казачества должна быть в руках самого Казачества, то этим уже определяется и наше отношение ко всем событиям, в том числе и к таким, как возможная советско-китайская война. Наше отношение к ней и наше желание возможного конца ее определяется первым пунктом нашей программы: освобождение Казачьих Земель из под власти РСФСР и СССР и создание самостоятельного и ни от кого независимого казачьего государства: Союза Вольных Казачьих Земель — Республик. Все остальное — только логические следствия этого основного положения. Вопрос только в том, как и когда? — ответ с нашей точки зрения весьма короткий: при первой же благоприятной обстановке.

Поэтому мы должны быть всегда, каждый момент готовы ко всяким событиям, ко всяким решениям.

Но, мы считаем, что задача освобождения будет по силам Казачеству только тогда, если оно будет едино в своих политических стремлениях и действиях. Нужна внутренняя консолидация казачьих сил. Нужно в корне пресекать все попытки к дроблению Казачества. Надо оставлять чужие партии и группировки и идти к своим. Казачество должно в конце концов, собраться под свои знамена. Раскиданное по чужим группировкам, оно никакой реальной силы представлять собою не будет, — со слабыми же сейчас никто не считается. В этом ответственный момент, когда мы снова может быть стоим накануне исторических событий, мы зовем все Казачество под свои Вольно-Казачьи знамена!

Мы весьма настойчиво еще раз обращаем внимание всего Казачества на то, что решить казачий вопрос можно только по вольно-казачьи. Всякое другое решение приведет неминуемо к исторической смерти Казачества.

Может быть приходит время, когда Казачеству нельзя будет откладывать решения своего вопроса. Бдите убо, яко не весте ни дне, ни часа... Не окажемся же в решительный момент евангельскими „девами неразумными“.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков заграницей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Д-р С. Федоров.

Роковая годовщина.

Двести двадцать лет назад, в двадцатых числах июля, на южных границах Войска Запорожского Низового, разыгрывался последний акт трагедии 1709-го года: разбросанные остатки запорожских казаков переходили за р. Буг, уходя в первую запорожскую эмиграцию. Надежды их вождя, последнего рыцаря Запорожья, кошевого Костя Гордеевича Головко (Гордиенко), на восстановление Запорожских Вольностей при помощи вооруженной силы шведов не оправдались. Ряд роковых неудач и ошибок дотоле непобедимых полководцев короля Карла XII привел к его разгрому 27-го июня (ст. ст.) 1709 г. под Полтавой и выходу за границы Запорожья, по всем просторам которого пронеслась карающая рука северного деспота — Петра I-го.

Завязка запорожской трагедии началась значительно ранее. С тех пор, как Войско вынуждено было впервые присягнуть московскому царю Феодору, началось дипломатическое и фактическое наступление Москвы на Вольности Запорожские; лестью и подкупами добывала она себе там симпатии и приверженность старшины и зажиточного казачества, стремясь постепенно наложить свою крутую руку на казачью независимость, и только решительная твердость кошевого Ивана Сирка, прославленного далеко широко кошевого, охраняла Войско от московских покушений. Но, умер в 1681 г. Сирко и в течении двадцати лет на Запорожьи не появилось никого, кто бы заменил его в обороне прав и вольностей казачьих. За эти годы Москва, поддержанная „злым гением“ Запорожья Гетманом Мазепой построила на северных границах Войска ряд крепостей с сильными гарнизонами, разгромила Самарский запорожский монастырь и захватила часть войсковых земель и добра. Московское правительство не признавало за Запорожьем права на их государственную территорию и заявляло, что раз казаки есть подданными московского государства, то и земли их должны быть собственностью Москвы.

Не помогала Войску и ревностная служба в войнах и походах и удаль, проявленная при взятии турецкой крепости Азова в 1696 г. Молодой царь Петр, вместо того, чтобы подтвердить стародавние права Войска, приказал построить на левом берегу Днепра, как раз напротив Сичи Запорожской, новую крепость Каменный Затон. Такое отношение царя возбудило у казаков сильное возмущение и Запорожцы в 1702 г. избрали кошевым атаманом открытого врага Москвы Костя Гордиенко-Головко. Новый кошевой был человеком высоко образованным, владел в совершенстве латинским языком, отлично разбирался в тогдашней международной обстановке.

По своему характеру прямой, решительный и честный, Гордиенко был полной противоположностью гетману Мазепе, который считал кошевого своим непримиримым врагом.

Принявши булаву, Гордиенко послал к царю письмо с предостережением, что Войско не позволит московским людям строить новую крепость и применит при этом вооруженную силу.

В это время Петр уже втянулся в войну со шведами и очень нуждался в запорожской помощи; он промолчал на это решительное письмо и послал в Запорожье своего воеводу с ценными подарками и наказом привести казаков к присяге.

Гордиенко решительно отказался присягать до тех пор, пока не будут разрушены московские городки на казачьих землях.

Москва снова употребила лесть и подкупы и при помощи Мазепы, доносившего что все зло идет от кошевого и что надо добиться, чтобы „того проклятого пса, Гордиенко, не стало“, добилась выбора кошевым на 1703 год сторонника Мазепы — Каменный Затон был построен.

Однако Гордиенко, в том же году, снова получил булаву и по весне отправил трехтысячный отряд с приказом разрушить построенные Москвой самарские городки и вооруженной рукою изгнать из пределов Запорожья самовольно поселившихся на казачьих землях. Казаки взяли штурмом одну крепость, разгромили не мало поселений и захватили московской добычи, тем не менее Москва старалась не углублять конфликта — ей очень нужна была запорожская помощь на севере против шведов.

В 1706 году российское правительство снова стало посягать на запорожские земли; чтобы обеспечить себе спокойствие со стороны Турции на время войны со шведами, оно согласилось на разграничение земель на юге, и отдало татарам низовую землю, которую запорожцы еще со времен литовского князя Витовта считали своею. На протесты кошевого не обращали внимания.

Вскоре на Дону вспыхнуло восстание в защиту вольностей казачьих и Москва, боясь поддержки Запорожья, добилась, через Мазепу, что кошевым снова был избран сторонник „умеренной“ партии, вместо Гордиенко; в это же самое время российское правительство, денежными дарами и хитрой политикой, добилось не только благожелательного к себе отношения крымских татар, но и поддержки от них на случай вооруженного выступления Запорожья.

Запорожье, раздираемое внутренними несогласиями приверженцев Москвы и умеренной политики в ее адрес с одной стороны и сторонников полной самостийности, с другой, не смогло подать действительной помощи донскому Атаману Булавину и тогда, когда самостийники взяли снова верх и вручили булаву опять Гордиенко.

При наличии татарской угрозы с тыла и ряда московских крепостей возле Сичи, он не мог вести Войско на помощь Дону, хотя на запорожской Раде 13-го мая 1708 г. казаки настойчиво требовали выступления в поход и постановили итти войной на самарские городки; поход бы и осуществился, если бы тому не мешали прибывшие в тот же день в Сичь монахи Межигорского монастыря, которые с крестом и Евангелием убедили казаков не проливать христианской крови; только часть запорожцев пошла добровольно на помощь своим донским побратымам и сложила свои головы в борьбе за казачьи вольности.

Хитрая политика Москвы разделяла и обессиливала казачество — лучшая часть бойцов Дона и Запорожья была занята на внешней войне со шведами, внутри боролись между собою партии приверженцев и противников Москвы, а сам гетман Мазепа, уже сознавший свою политическую ошибку поддержки царя, вынужден был принять живейшее участие в борьбе против донцов Булавина, хотя в это время он вел уже тайные сношения со шведами.

Шведы, встречаясь на поле брани с запорожскими полками, к этому времени стали избегать открытых столкновений с казаками; между казаками и шведами устанавливалось как бы особое соглашение не проливать взаимно крови из за московских интересов; даже больше, запорожцы, пребывая под Ригой, не только уклонялись от боевых действий, но, при возвращении домой, многие перешли на шведскую службу.

Карл XII, воюя с королями датским и польским, имел и свой особый интерес привлечь казаков на свою сторону. Казаков и шведов связывали давние узы боевого содружества на полях европейских сражений. Шведы, соприкасаясь владениями непосредственно с Польшей, давно знали казаков. Во время тридцатилетней европейской войны казачьи отряды бороздили в войсках Мансфельда и короля шведского просторы Европы, добывая честь и славу своим вождям и союзникам. Особенно благоволил к казакам отец Карла XII-го, король Густав-Адольф, прославленный по всему свету полководец.

В 1708 году, Карл XII, решил расправиться с поддерживавшим поляков Петром I-ым и перенести центр военных действий на московскую территорию. Ему нужно было заручиться казачьей поддержкой с юга, и найти себе надежную материальную базу на

Украине, для предстоящего похода на Москву. Переговоры с Мазепой были закончены и осенью 1708 г. Карл XII, бывший у Смоленска, неожиданно для всех повернул на зимовку к Стародубу, на Украину.

Мазепа, державший в тайне ото всех свои сношения со шведами, перешел р. Десну с небольшим отрядом и присоединился к королю. Старый гетман перехитрил самого себя: разгромивши Булавина, он лишил себя и шведов надежного союзника и, разбросавши свое войско по приказу Петра на Дону и Донце, Неве и в Литве, остался сам с небольшим отрядом и незначительной группой старшины; его прежняя внутренняя политика оттолкнула от него простой люд и казачество и восстановила против него Запорожье. В решительный момент гетман очутился почти без войска и без симпатий тех, для кого он хотел добыть независимость Украины.

Ряд роковых обстоятельств, осенняя распутица, недостаточная рекогносцировка, незнание местности, привели к тому, что шведы не успели своевременно захватить ряд баз-городов на своих операционных путях, а потом уже не могли выбить из них засевших там москвичей. Хуже того, шведы в бою под Лесной потеряли весь свой обоз и знаменитую армейскую артиллерию, а князь Меньшиков, при помощи измены захватил гетманскую столицу Батурин; полковой старшина Иван Нис указал ему потайной пролаз и город со всеми запасами и мазепинским достоянием попал в руки россиян. Меньшиков приказал вырезать все население беспощадно и, захвативши все добро, артиллерию, снаряды и запасы, город сжег до тла, не пощадивши и церквей.

Подошла суровейшая зима, а Карл XII остался без муниции, в чужой земле и без обещанной поддержки. Его армия, испытанная в боях, была сама по себе незначительна; передавшаяся на сторону шведов старшина перестала верить в успех дела и начала приносить повинную царю; силы Мазепы не только не увеличивались, а даже уменьшались; Запорожье занимало еще выжидательную позицию; дело освобождения из под власти Москвы стало казаться неосуществимым, а помощь шведов проблематичною.

На Запорожьи про присоединение гетмана к шведам узнали не скоро: только в половине ноября 1708 г. было получено извещение от Мазепы, что спасая родной край от московской неволи он соединился с королем, обеспечивавшим Украине волю и вольность. Вместе с тем извещал запорожцев об „измене" гетмана и царь, предлагая оставаться ему верным; он прислал на Сичь дорогие подарки кошевому, старшинам и казакам.

Царское посольство было встречено весьма недружелюбно, а некоторые из членов его и пострадали. Казаки подарки приняли, но в ответной отписке решительно требовали от царя восстановления прежних вольностей и уничтожения самарских городков; запорожское послание было полно укоров и недоброжелательства.

Гордиенко, не дождавшись от царя утвердительного ответа, решил поддержать Мазепу и шведов; на сичевых Радах, решавших этот вопрос он несколько раз клал булаву, но всякий раз Войско заставляло его взять ее снова, а сторонников российской приверженности разгоняло и било; попытки Москвы добиться избрания другого кошевого не кончились ничем.

Кошевой отрядил 6.000 казаков в Кодацкие крепости, а 1-го марта 1709 года выступил сам из Сичи на присоединение к шведам. Меньшиков, видя что не удается удержать запорожцев на царской стороне, пытался преградить им путь, но запорожцы разгромили наголову трехтысячный драгунский отряд бригадира Кемпеля, разбили российские войска под Келебердою и начали добывать городки по р. Ореле и Ворскле. К казакам шли и простые люди и скоро отряд Гордиенко возрос до 15.000 душ. В Диканьке встретились два раньше непримиримые враги — Мазепа и Гордиенко и сошлись в борьбе за общее дело, а 27-го марта ст. ст. шведский король Карл, принимал кошевого и запорожскую старшину. Гордиенко приветствовал короля латинскою речью и ободрил союзников, приведя сильную и закаленную в боях помощь. Особенно нуждались шведы в запорожской коннице; суровейшая зима страшно подорвала их конный состав и боеспособность союзной армии. Петр сосредоточил уже значительные силы и загородил шведам дорогу на Москву, русские сами стали проявлять активность.

Связь запорожцев со шведами способствовала тому, что вскоре вся Европа снова начала слышать и интересоваться казаками, подобно тому как это было во времена войн тридцатилетней и Богдана Хмельницкого. Сведениями о казаках заполнялись газеты и журналы, в которых запорожцы представлялись не только храбрыми воинами, но и искусными дипломатами и убежденными демократами-государственниками. О проблемах казачьей государственности и военных союзах с ними велись оживленные дебаты; шведы подчеркивали свою незаинтересованность во внутренних делах Гетманской Украины и Запорожья и обещали поддержку казачьей борьбе за независимость.

Вера в звезду Карла XII-го была велика и, можно сказать, что дело казачьей самостийности никогда еще не обещало быть так прочным, как теперь, при союзе со шведами. Но, в то же время, разлагающая политика Москвы делала свое дело — запорожский „перевертень", выходец из Сичи, чигиринский полковник Игнат Галаган, следил за Войском перехватывал запорожцев и передавал Меньшикову о всех движениях казаков; в свое время он был ярым сторонником Мазепы, громил Булавина, перешел к шведам, но, теперь учел обстановку и выслуживался у царя. В самой Сичи шел разлад; сторонники Москвы взяли верх, заочно лишили Гордиенко атаманства и избрали „умеренного" Петра Сорочинского. Москва радовалась.

17-го апреля Гордиенко с 3.000 шведов генерала Крузе атаковали семитысячный отряд московских драгун и пехоты генерала Рене, зарвавшийся к Запорожью, и жестоко его разгромили. В Сичи казаки образумились, большинство решило бороться за права и вольности и послать за помощью к татарам, сам новый кошевой присоединился к ним и поехал в Крым.

Петр, пользуясь тем, что Гордиенко был занят боями на р. Ореле, отправил из Киева, водою, три полка пехоты для взятия и разгрома Сичи. К российским войскам были присоединены и донские полки, которые перед тем, под командой походного атамана Данилы Ефремова, преданного царю донского толстосума, успешно сражались против шведов. Под его командой донцы нанесли шведам непоправимый ущерб под Лесной. Царские войска по дороге добывали запорожские городки, защищаемые немногочисленными гарнизонами и уничтожали их до тла, избивая все живое, не щадя ни детей, ни святынь и церквей. 7-го мая ст. ст. они прибыли к Каменному Затоку, а 10-го подступили к Сичи, в которой находилось всего лишь около тысячи защитников, под командой наказного кошевого Богуша; в большинстве это были старые, покалеченные деды, да подростки, которые, однако, помня как четвертовали, колесовали и жгли живьем защитников городков, решили биться до последнего. Три дня громила российская артиллерия Сичь и зажигала ее каленными ядрами, несколько раз штурмовали сичевые укрепления, но безуспешно — отходили с большими потерями. Русские уже колебались, но на помощь им пришел Галаган с двумя полками казаков, штурм возобновился и перешел в рукопашный бой. Запорожцы гибли, но не хотели покоряться; тогда Галаган вскочил на окоп и стал кричать, что он сам старый запорожец и присягает, что если сичевики сдадутся, то с головы их не упадет ни одного волоса. Казаки смутились и начали прекращать бой. Это было их концом: по приказу Галагана на них бросились и безоружных начали рубить и колоть беспощадно. Запорожцы бросились вплавь через протоки, тонули, а 278 душ их взято в плен. Пленных мучили жесточайшими муками, сдирали с головы кожу с „оселедцами" и, вешая, пускали на плотах, вниз по Днепру, для устрашения находившихся на Низу казаков Сичь была уничтожена до основания, сожгли и церковь Покрова, вынеся из нее иконостас, раскопали кладбище и вынувши из могилы кости кошевого Сирка, страстного противника Москвы, разметали их по степи.

Царь за такое „славное" дело пожаловал Галагану село Боровицу и выдал приказ замучивать на смерть

каждого запорожца, который попадется живьем в русские руки.

Сильно были опечалены запорожцы известием о взятии Сичи. Вместе с тем и для их союзников, шведов, была чувствительной потеря всей линии сообщения с татарами готовившимися помочь казакам. Кошевой Сорочинский, собрав на Низу остатки казаков, стал кошем при впадении р. Камянки в Днепр, но татары уже не рискнули поддерживать их — войска Карла таяли, а царские все увеличивались.

Гордиенко заблаговременно предусматривал, что Петр пошлет экспедицию на запорожский Низ и поэтому предлагал королю занять Полтаву стоявшую на путях в Запорожье. Король вместе с запорожцами 4-го апреля штурмовал Полтаву, но неудачно, там был большой гарнизон и города не добыли, теперь же к нему подошли большие силы во главе с царем. Медлить было нельзя и Карл после трехмесячной блокады решил приступить к решительным действиям. Однако, счастье от него отворачивалось — во время рекогносцировки 17-го июня он был тяжело ранен в ногу и не мог уже проявить всей силы своего военного гения. 21-го июня начался новый штурм Полтавы. Король, изнемогая от болезни, сам руководил боем. Сражение длилось несколько дней с переменным успехом. Настал день 27-го июня, **день национального несчастья Украины** и ее союзников шведов.

В этот день разыгралась решительная баталия, названная впоследствии полтавской; вначале успех был на стороне короля, его знаменитая конница разбила конницу царскую и гнала ее в беспорядке к укреплениям. Казалось вот вот на ее плечах ворвутся шведы в город. Перед русской конницей лежал глубокий обрывистый яр, в котором бы она нашла себе могилу, но снова случай помог царскому войску. Шведы не произвели хорошей разведки местности и остановили преследование в нескольких сотнях шагов от яра, русские были спасены. Запорожцы в это время были далеко, прикрывая шведский фланг. Царское войско взяло решительный верх, разбитые шведские полки должны были быстро отступать к Днепру, на котором все перевозы были уже ранее уничтожены войсками Петра.

Спасение союзников зависело от запорожцев, которые знали все броды, ходы и переправы, но Гордиенко удалось найти только два каюка — дуба; под Петра и Павла перевезли запорожцы Мазепу и генерального его писаря Орлика, а через день раненого Карла, положение которого было такое критическое, что если бы не Гордиенко с запорожцами, он бы попал в плен. Шведы перевозились на правый берег Днепра целый день, но т. к. лодок было мало, то ко времени подхода петровых войск на левом берегу осталось еще более 16.000 солдат.

С гораздо большим успехом переправились запорожцы — конница вплавь с конями, пехота вплавь, держась за доски, колеса, ярма, пуки соломы, только 220 душ дождались прихода царских войск, а когда шведы сдались гораздо более малочисленному царскому отряду, казаки бросились в Днепр и в большинстве погибли в родных волнах.

Гордиенко повел остатки союзников к р. Бугу и утром 6-го июля ст. ст. стал лагерем в 25-ти верстах ниже устья р. Ингула. Река была в две версты шириной, а перевоза не было; король послал к очаковскому паше просить судна и только через несколько дней удалось приобрести один корабль за большие деньги. Шведы и половина запорожцев успели перевезтись до похода царских войск к месту переправы, остальные повернули коней в Дикое Поле и, запутавши в нем преследующих драгун, вышли на р. Камянку, туда где стоял уже кошем Атаман Сорочинский.

В Очакове король Карл отпустил и остальных запорожцев, а сам отправился в Бендеры, где и был интернирован с остатками армии; в Бендеры же прибыл и Мазепа со своей старшиной, а с ними и Гордиенко с несколькими сотнями запорожцев, которые не потеряли еще надежды при помощи Швеции и Турции возвратить свое наследие и хлопотал у султана о разрешении заложить Сичь на крымских землях у Днепра.

К этому времени у устья Каменки собралось уже около 8.000 запорожцев и число их беспрерывно пополнялось беглецами с Украины и Запорожья, приносившими кошмарные известия про дикую расправу царя в завоеванных краях — казни, мучения, ссылки, „канальские" работы в болотах Петербурга и „линию" на Кавказе, на которых казачество гибло десятками тысяч от болезней и невзгод.

Эти вести отбили охоту к возвращению и у тех, кто стал уже поговаривать о подчинении царю: „Если вы прийдете назад" передавали им оттуда, „то все погибнете. Соединяйтесь с татарами и освобождайте нас, ибо и мы все от Москвы пропадаем".

22-го августа не перенеся горя и разрушенных надежд, умер старый Мазепа. Запорожцы же получили разрешение осесть кошем у Алешек на Днепре; некоторое время они оставались еще на Каменке, готовясь к новой войне с Петром. Так началась **первая запорожская эмиграция**, продолжавшаяся целых двадцать пять лет, пока Войско снова не смогло вернуться на родные земли.

Двести двадцать лет назад, как и теперь во дни нашей эмиграции — третьей казачьей, одни и те же причины расчленяли и ослабляли казачество и не давали ему возможности сплотить свои силы для достижения конечной мечты — восстановления, развития и укрепления своего государственного бытия. Всегда в казачестве находились предатели, за личное благо и библейскую „чечевичную похлебку" приносившие в жертву общее благо своего войска; находились и по своему порядочные, но слабые люди, готовые смирением просить возвращения отнятого у них силой у того, кто не знал никогда ни совести, ни чести, ни великодушия, ни милосердия.

Тогда, как и теперь, московско-российское правительство ослабляло истинных бойцов за казачью волю, разделяло казачество и, одной его частью подавляя восставший гнев других, вскоре бросало подавленных на образумившихся, заблуждавшихся ранее казаков.

Тогда, как и теперь казачество не находило в себе силы дать ряд мужественных вождей, готовых довершить начатое дело освобождения до конца; появлялись единицы, блестали как метеоры и сгорали в тяжелой атмосфере, окружавшей казачество. В казачестве не хватало веры в свои силы и в способность об'единения тогда, когда в него верили силы иные — чужестранные.

Сейчас мы переживаем те самые слабости, грехи и ошибки, которыми страдало казачество двести двадцать лет назад. Примерами истории мы учимся, учимся избегать ее роковых уроков, а уроки прошлого нас учат, что без веры в самих себя, в свои силы, мы не сможем восстановить своего казачьего, самого дорогого — своей государственности.

Тени наших предков, замученных российскою неволею, зовут казаков отрешиться от ошибок прошлого и об'единиться в одной освободительной работе, памятуя, что никто, нам казакам, не поможет, что дело казачье должно и может быть построено только своими, казачьими руками.

От редакции. В августе месяце журнал „В. К." выйдет двойным номером один раз в месяц — 25 августа.

С. Галданов.

Правда победит...

Б. „главковерх" Керенский на страницах своего журнала время от времени разрешается статьей против национально-освободительного движения народов СССР. На этот раз он разрешился статьей („Дни", ном. 41) о „превращении" Мустафы Чокаева, известного туркестанского общественно-политического деятеля.

Конечно, Керенский пускает в ход всю свою диалектику, чтобы убить „самостийность", но, по странной иронии, как бы на зло чаемой им России и в насмешку над самим собою, своими выступлениями он помогает самостийному движению.

Он в паническом страхе утверждает о „возрождении и усилении наступательного сепаратизма на рубежах парализованной большевиками России", каковое, совершенно верное утверждение, само по себе является помощью самостийному делу. Эти страшные рубежи им обозначаются: Варшава-Кабул-Токио, на котором выросло огромное народное освободительное движение и которое Керенский желает раздавить печатными страницами „Дней". Не успел он определить эти географические пункты, как ныне „к трем названным городам прибавился еще Харбин".

На этом огромном пространстве, народы его населяющие, ведут национально-освободительную борьбу. В унисон с чаяниями и желанием „тамошних" своих собратьев, здесь, в эмиграции, представители этих народов развивают и проповедуют идею освобождения своих народов. Между всеми этими народами, без предварительного сговора, создается единый фронт против советско-Московской власти, единое понимание, единое устремление. Движение это ширится и укрепляется...

Казалось бы, такое огромное всенародное движение требует к себе серьезного отношения со стороны лиц, претендующих на политическое лидерство.

Но, так как серьезных доказательств против этого движения нет, то противо-самостийники ограничиваются голыми утверждениями: Украина? — Наша! Казачество? — Наше! Кавказ? — Наш! „Грузино-армяно-азербейджанское Закавказье"? — Наше! „Чувашско-мордовсконемецко-калмыцкое Поволжье и Заволжье"? — Наше! „Татарская Казань"? — Наша и т. д. и т. п. И никаких разговоров, ибо мы — „великий русский народ", „шапками закидаем", лаптями истопчем... Кто против этого, тот расчленитель России. Во имя „Великой России" вы, народы все должны пожертвовать своими малыми „уездными" интересами...

Все же, несмотря на полное отсутствие у русских „патриотов" чувства об'ективности, сам факт существования национально-освободительного движения на всем вышеуказанном огромном пространстве слишком бьет в глаза. Но и этому люди со слишком развитой „продавательско-покупательской" психологией находят очень упрощенное об'яснение. На первом ряду таких господ, конечно, стоит никто иной, как „сам" Керенский, который все время утверждает, что все эти народы „продались" „первому маршалу"...

Это самое упрощенное об'яснение, самый кустарный аргумент, но, за неимением лучшего, за него упорно цепляются люди, старательно закрывая глаза на все остальное. Керенский надрывается взывая „к русскому чувству", пытаясь создать новую „керенщину", т. е., обратного направления, ибо прошлая „керенщина" слишком неприятна для него самого. Троцкий видит исторический смысл прошлой „керенщины" в том, что „на ее спине власть перешла от буржуазии к пролетариату". За это „Дни" ужасно рассердились и, забыв все неприличие говорить о веревке в доме повешенного, восклицает: „Таков удел всякого бывшего политического деятеля, очутившегося на положении отработанного пара истории".

Теперь, видимо, Керенский старается, чтобы на его спине произошел обратный процесс. Выдержит-ли спина?

Несмотря на очевидный факт стихийного роста и развития национально-освободительного движения народов СССР, „российские люди" с упорством, достойным лучшего применения, твердят, что все это делается на деньги каких-то „врагов" России, ибо интересы „неисторических" народов для них не существуют. Жалко таких людей, у которых все внимание, вся мысль сосредоточена на деньгах и которые так слепо уверовали не в силу идеи, а в силу золота. Мы же, рискуя показаться смешными, остаемся при убеждении, что без творящей живой идеи, исходящей и покоящейся в глубинных истоках народной жизни, никакими деньгами, никакими золотыми горами никакого народного движения, какое имеется сейчас на вышеуказанном пространстве, создать нельзя. А один факт существования народных движений от Днепра до далекого Востока является ярким подтверждением нашей веры и красноречивым опровержением „теории" о „купле" и „продаже".

Этот очевидный факт, повидимому, и послужил причиной „прогресса" г. Керенского, который в последнем номере своего журнала сделал знаменательное признание, а именно: самостийное движение не является результатом „покупки" кем-то кого-то, а подлинным желанием, стремлением всех тех народов, входящих в состав СССР, против освобождения которых от власти большевиков так рьяно борется Керенский.

В последнем ном. „Дней" он пишет о „превращении" Мустафы Чокаева.

Оказывается „Чокаевское превращение в сепаратисты произошло совсем недавно и именно по требованию его единомышленников, не эмигрировавших, а оставшихся в Туркестане". Оказывается, Чокаев приходил к Керенскому и честно заявил: „Ко мне на одну из границ приезжали друзья оттуда и по их настоянию я не могу больше работать в единение с российской демократией во имя федерации. Туркестан требует полного отрыва от России".

Это бесспорное доказательство о всенародном, стихийном характере самостийного движения выбивает из рук Керенского его „продавательско-покупательский" аргумент и он теперь категорически заявляет, что настоящими сепаратистскими агентами являются „большевики и только большевики".

Какой же отсюда вывод для русского человека, желающего удержать народы в лоне будущей России? — Устранить эту основную причину центробежных устремлений.

Казалось-бы так, казалось-бы, единственно-правильный вывод: беспощадная борьба с большевиками и во что бы то ни стало скорейшее их свержение. Оказывается, по Керенскому не так.

Он взывает к „российским людям" преодолеть „в себе опасный соблазн новой смутой на рубежах России ускорить падение большевицкой диктатуры в ее центре"...

Так б. „главковерх" бьется в безвыходных противоречиях: с одной стороны, большевики — злейшие враги русского народа, подлинные и единственные пособники самостийников, а с другой — бороться с ними не надо.

Желание народов СССР, исключая великорусского, действенной борьбой свергнуть и освободиться от большевиков, Керенский рассматривает, как покушение „против целостности России". Он горячо возражает против тех, кто большевиков называет „новейшими собирателями земли русской", но тут же своим горячим призывом „преодолеть в себе опасный соблазн... ускорить падение большевицкой диктатуры"... он признает большевиков, если не собирателями „земли русской", то по крайней мере, хранителями „исторической России".

Желая убить „изменника Чокаева", Керенский совсем уже напрасно говорит, что „русские порядки... были для местного туземного населения и в Туркестане, и в Закаспии и в киргизских степях настоящим благостным откровением, настоящей освободительной революцией", чему доказательство он видит в том, что русские чиновники могли безоружно свободно раз'езжать по киргизским степям. Об этом „благостном откровении"

лучше знают сами, т. н., инородцы Туркестана, Закаспия. Об этом мог бы знать и г. Керенский, прочитав хотя бы одну книгу, например, Ташкин: „Инородцы Приволжско-Приамурского края и Сибири". Тогда он был бы более осторожен в своих утверждениях.

Только напрасно он, Керенский, отождествляет „русские порядки" с русской культурой и упорно пытается выставлять самостийников ненавистниками русской культуры.

Всем известно напр., что русская культура у самих же русских не пользовалась должным уважением, признанием. Величайших ее творцов „русские порядки" подвергали жестокому гонению, ссылали на каторгу, осуждали на смертную казнь. А ныне те же „русские порядки" лучших представителей этой культуры истребили или изгнали, а творения их сжигают на костре.

Известно также, что до „туземного населения и в Туркестане, и в Закаспии и в киргизских степях" доходили больше „спутники" русской культуры в виде русских губернаторов, полицейских приставов и полицейских урядников с бесплатными приложениями: „русская" водка, всевозможные „русские" болезни и т. п. Ныне там русская культура олицетворяется в образе „русского" комиссара, „русского" красноармейца...

Кровью и железом были завоеваны все эти народы и в течение веков жестоким насилием они держались в повиновении России.

Правда, русская интеллигенция „обещала" народам, когда придет к власти, „свободу, равенство и братство", но теперь, когда после величайшего переворота и прихода к власти самых радикальных, теоретически совершенно свободных от русского национального шовинизма, элементов „русские порядки" во сто крат ухудшились; когда в совершенно свободных условиях другая часть этой интеллигенции, в лице хотя бы того же самого Керенского, добровольно собирается возложить на себя роль всероссийского жандарма, тогда, естественно убивается для всех „инородцев" последняя надежда найти лучшее будущее под крышей России и остается для них единственный путь, путь самостоятельной, независимой народной жизни. На этот путь они все теперь и стали.

Спрашивается — каким же архи-миллиардером „куплены" все эти народы, ныне нечеловеческим стоном стонущие под жесточайшим игом красной Москвы? — Ценою многовекового и тяжкого опыта на собственном своем горбе, ценою потоков крови и слез народы эти пришли к этому сознанию и стали на этот путь. Никакими грязными догадками, никакими истерическими выкриками и воплями это действительно народное движение не убить!

Правда жизни на стороне этих народов. Они борятся за свою правду, за право жить на земле наравне с „великими народами", за право свободно дышать воздухом земли, на которой они родились.

И рано или поздно, но правда победит.

Керенский для оправдания своей „борьбы" против освобождения народов от большевицкой власти и усиления их вины, прибегает к фальшивому утверждению. Так, он пишет: „Диктатуру большевиков со всеми ее гнусностями... создали на паях представители всех народов и племен российских — всех без исключения".

Вставив слово „представители", Керенский пытается свалить вину в укреплении и утверждении большевицкой власти на все народы. Но это утверждение лишь словесная игра. В действительности всем известно: „все народы" с оружием в руках до последней возможности боролись с большевиками и только один „великий" великорусский народ, действенно поддержал, возвеличил, укрепил и до сих пор поддерживает большевиков.

Нет, г. бывший „главковерх", жизни вам не заговорить, освободительного движения народов не раздавить и Правды, как и Справедливости не убить...

Народы, а в том числе и Казачество, проснулись, пробудились и рвутся к свободе. И они рано или поздно, но свободными будут.

П. И. Кокунько.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

(Очерк.)

Гл. I.

Имя Я. Г. Кухаренко связано с одной из трагических страниц истории бывшего Черноморского Войска, так грустно отразившейся на памяти этого выдающегося по своим способностям человека.

Недавно, благодаря стараниям Кубанского Союза в Праге, вышла из печати книжка „Збірник творів Я. Кухаренко" с приложением кратких биографических сведений об ее авторе. В этом кратком очерке, между прочим, говорится, что, будто-бы на семью Кухаренко было наложено какое то запрещение, по которому сыновья его не имели права вступать в брак (с целью прекращения этого рода). Это не совсем верно. В жизни Якова Герасимовича не было ничего такого, что могло бы вызвать такое из ряду выходящее мероприятие. Да и фактически это не оправдывается. Яков Герасимович имел четырех сыновей и все они были женаты.

Старший, Степан Яковлевич, женился где-то в России и мужского потомства не имел. Две дочери его, Хлюстина и Конради, здравствуют и поныне. Третий сын, Николай, был женат на Арцышевской и четвертый, Вячеслав, на Шарап. Оба последние никакого потомства по себе не оставили. Дольше всего оставался холостым второй сын его, Александр, женившийся уже в старческом возрасте. Причина такого позднего брака Александра Яковлевича чисто его личного, интимного характера, касаться которой считаю неуместным.

Как бы то ни было, а род Якова Герасимовича действительно прекратился, мужского потомства не осталось. Быть может это обстоятельство и послужило основанием для легенды о запрещении продолжения рода одного из лучших Наказных Атаманов Кубанского Войска и при том, природного своего казака.

В этой легенде видна тенденция как бы идеализировать патриотизм Я. Г. Кухаренко. Едва ли есть надобность в этом, тем более, что он и не был таким патриотом фанатиком, как, быть может, многим представляется это в настоящее время. Женатый на не казачке, урожденной Стасенко (Ставропольской губернии), он и двух дочерей своих выдал за армейских офицеров — Лыкова и Иогансон. Это обстоятельство указывает на то, что степень патриотизма Якова Герасимовича не достигала той степени брутальности, при которой все должно сгибаться в дугу перед его требованием и убеждением. Тем не менее это был действительно казак душой и сердцем и кубанцы, особенно черноморцы, должны быть весьма благодарны пражской организации, вспомнившей одного из лучших сыновей казачества, так жестоко пострадавшего за свой казачий патриотизм, непонятый и неоцененный современниками.

Яков Герасимович Кухаренко был настоящим батьком-Атаманом Черноморского Войска. Старые порядки и вольности Запорожья еще свежи были в памяти многих, были живы и свидетели их. Отношение его к казакам и последних к нему еще носило признаки старого патриархального порядка, за которые цепко держалось тогдашнее казачество и которые так не по душе были высшему кавказскому начальству. Это начальство всеми силами старалось завести общие российские порядки среди не только строевых частей, но и в гражданском управлении Черноморского Войска. С этой целью оно старалось по возможности больше внедрить среди казачества чиновников неказаков. Все Атаманы Черноморские до Кухаренка боролись с этим, боролся и

Кухаренко, но положение его было весьма щекотливое. Дело в том, что в его время Атаман считался вместе с тем и командующим всеми войсками, в том числе и армейскими, находящимися в пределах Войска. Трудно было сохранить равновесие в таком положении и ему приходилось быть очень осторожным в защите казачьих интересов, чтобы не возбудить сильных мира сего и не погубить неосторожным шагом того, что для него было дороже всего. И без того с давних пор высшее ближайшее начальство косо смотрело на черноморцев, ревниво оберегающих свою свободу и свои порядки. Не любил их ни Ермолов, ни Паскевич и по традиции эта нелюбовь перешла и к современному Кухаренко начальству, которое не преминуло бы воспользоваться всяким неосторожным шагом Атамана, чтобы наложить свою тяжелую руку на все Войско Черноморское. Это заставляло быть очень осторожным Якова Герасимовича, но эта осторожность и послужила причиною к обвинению его в измене Войску и казачеству, обвинению совершенно незаслуженному им.

Каким то странным диссонансом звучит это обвинение по сравнению с той характеристикой, которая установилась за Кухаренком не только в Черноморском Войске, но и далеко за его пределами.

Во время своих служебных поездок в Петербург, Кухаренко, иногда на довольно продолжительное время, останавливался в Харькове, где в то время уже была в университете небольшая группа студентов — черноморских казаков: Проскура, Павел и Иван Григорьевичи Барилко, Федор Карпович Зарецкий, Аверкий Николаевич Дейнега, Иван Степанович Демченко, Михаил Иванович Якименко и, быть может еще кто-либо, фамилии которых мне неизвестны. В Харькове в то время существовал украинский кружок, большим деятелем которого был Кулиш, в сотрудничестве с Гулак-Артемовским. Конечно, все студенты черноморцы принадлежали к этому кружку; особенно деятельное участие принимал в нем Демченко, которому, как передавал впоследствии Дейнега, пришлось познакомиться и с пресловутым III отделением в Петербурге, куда он совершил невольное путешествие, отразившееся на его здоровьи довольно печально: в 1866 году он умер от чахотки, появившейся вследствие простуды и не совсем деликатного отношения к нему III отделения; умер, будучи преподавателем словесности в кубанской войсковой гимназии. Через этих то своих „хлопців“, Яков Герасимович познакомился со всем украинским кружком в Харькове, в том числе и с руководителями, которые снабдили его письмами к своим единомышленникам в Петербурге.

В Петербурге Яков Герасимович познакомился с Костомаровым, Мордовцевым, товарищем и однокашником Шевченко Федором Ивановичем Черненко, наконец и с самим Т. Г. Шевченко. С последним он оказался потом в большой дружбе, судя по письмам Шевченко, несколько экземпляров которых, переданных мне сыном Кухаренко, Александром Яковлевичем, и теперь находятся в моих руках; письма подлинные, писанные рукою самого Т. Г. Шевченко, следовательно о чувствах, высказанных в них в адрес Кухаренко, не может быть никакого сомнения. Я не привожу здесь лиц, с которыми был знаком Кухаренко, в хронологическом порядке их знакомства, так как для меня это не важно. Мне важен только факт их знакомства, так как они лично знали Якова Герасимовича, а отзывы их о нем мне лично удалось слышать от них самих, исключая одного только Т. Г. Шевченко. Несомненно, что и в Петербурге и в Харькове кроме поименованных знакомств были еще и другие и, быть может, более важные, но ссылаться на них я не считаю удобным, так как лично их не знаю и утверждать в верности их характеристики Кухаренко не могу. И в Харькове и в Петербурге — Кухаренко был не один раз и знакомство его с Черненко произошло много раньше, чем, например, с Костомаровым и Мордовцевым, но свидетельства о нем тех и других сходятся.

В начале 70-х годов прошлого столетия в Петербурге я застал существование украинской громады. Это не было строго организованное общество; к ней принадлежали все украинцы, часто даже незнакомые друг с другом, но деятельность которых связывалась общим идейным направлением. Громада эта в своей деятельности находила большую поддержку в тогдашней петербургской либеральной печати, ведшей большую и непрерывную борьбу с Катковым. Параллельно с этим, под влиянием еще свежего впечатления от Польского восстания, Катков занялся травлею всех, кто любил свой народ, свою нацию, подозревая их в сепаратизме.

Такой же травле подвергалось и украинское движение, на защиту которого стала петербургская украинская громада, благодаря которой образовался украинский студенческий кружок. Когда нибудь в будущем я, может быть, соберусь более подробно поговорить о деятельности громады и кружка, в настоящем же ограничусь только краткими сведениями о них, чтобы показать, что то, что говорилось в них, не было только личным мнением говоривших, но разделялись всеми, кто был причастен к этим двум организациям.

Студенческий кружок численно не был велик, так как студентов украинцев в Петербурге было не очень много. Главные гнезда украинского движения были в Киевском и особенно в Харьковском университетах, но связь с ними Петербургского кружка была тесная. В Петербургском кружке насчитывалось, может быть, десятка три, четыре всего, но важность его была значительна тем, что он ближе стоял к Украинской громаде, имевшей большое значение для всего украинского движения.

Конечно, в этот студенческий кружок входили все студенты Черноморского Войска. Их было очень ограниченное число: университетские — Николай Иванович Крыжановский и Андрей Иванович Шелест; путей сообщения — Кондрат Яковлевич Белый; технологи — Лев Михайлович Перекрест, Иван Матвеевич Пивень, Петр Иванович Кокунько и, два года спустя, Евгений Иванович Соломка, вместо выбывшего Владимира Пустовойта. Были в этом кружке и особы женского пола, преимущественно консерватории. Раз или два в месяц кружок этот собирался на квартире Федора Ивановича Черненко, который, будучи старым холостяком, занимал довольно просторную квартиру в доме Матушевича, на углу Кабинетской и Ивановской улиц, как управляющий этим домом, который он и строил. Постоянными завсегдатаями кружка из не студентов были: Николай Иванович Костомаров, дид Данило Мордовцев, до своей эмиграции — Пантелеймон Кулиш и профессор консерватории Александр Иванович Рубец, а также приезжавшие из Украины помещики, как Гулак-Артемовский, Каплуновский и др. Как первые, так и вторые служили связующими звеньями кружка: — первые с громадой, а вторые — с провинциальными украинскими кружками.

На Черненко, как на хозяине, лежала распорядительная часть вечера, который всегда заканчивался ужином украинского кулинарного искусства, до сала и, так называемой, „малороссийской“ колбасы, с капустой и без капусты включительно. Несмотря на то, что эти последние предметы в то время были большой редкостью, уважаемый Федор Иванович всегда имел их достаточно для удовлетворения аппетита присутствующих. Все это сопровождалось и возлиянием из „Тарасового ока“ — плоского, круглого графинчика, доставшегося по наследству от Т. Г. Шевченка.

Когда дело, подходило к ужину, Федор Иванович обязательно провозглашал: „А ну, хлопці, чаїчку, чаїчку заспівайте“, — это была его любимая песня, которой всегда начиналось, так сказать, концертное отделение вечера. Наступала очередь Рубца, составлявшего и дирижировавшего хором — пелись и хором и соло украинские песни.

Но, настоящими руководителями и вдохновителями кружка были, конечно три кита — Костомаров, Мордовцев и Кулиш. Под их руководством возбуждались и обсуждались различные вопросы из былого Украины, о настоящем положении и о том, чего возможно и желательно ожидать в будущем. В этих разговорах проходила большая часть вечера. Среди этих разговоров не раз поднимался вопрос о Кухаренко и о его деятельности на Кубани. В своем месте я скажу об отношении к последней, сейчас же ограничусь только одной характеристикой, которая составилась о Кухаренко.

По свидетельству Костомарова и Мордовцева о Кухаренко, между всеми знавшими и слышавшими о нем составилось мнение как о прочном, надежном украинофиле. Тоже можно заключить и из переписки Кухаренко с Шевченком. Из писем Шевченко, имеющихся у меня, ясна та дружеская, короткая, даже сердечная связь, которая существовала между ними, чего не могло быть, если бы Кухаренко не исповедывал того же символа веры, что и Шевченко. Заподозреть же последнего в его украинском патриотизме едва ли решится кто либо.

Один только Кулиш по своей привычке к противоречию оспаривал это мнение. Он заподазривал украинские тенденции Кухаренко, утверждая, что у него было какое то своеобразное „украинофильство", какой то узкий украинский патриотизм, что он был больше казачий патриот, так как кроме своих казаков, он ничего не хотел видеть. Костомаров возражал, что к этому нужно внести поправку — каких казаков? Кухаренко был Атаманом Черноморского Войска и весьма естественно, что он прежде всего отстаивал своих Черноморцев, которые тесно связаны в прошлом с Украиной, да и в настоящее время Черноморцы считают себя украинцами.

Кулиш находил, что преследование Кухаренком таких узких интересов, как казачий, будет в ущерб более широкой задаче украинцев. Ни Костомаров, ни Мордовцев не соглашались с ним, находя, что пути черноморского казачества к достижению конечных целей украинского движения, не расходятся; что же касается последующего затем времени, то естественно, что казачество будет иметь некоторое расхождение с остальной Украиной, как это было и в прошлом и, как казачий Атаман, Кухаренко, разумеется, должен был иметь это в виду, должен был быть готовым сам и подготовлять свое казачество к пред'явлению своих требований соответственно его чаяниям, когда настанет для этого время. Да и в настоящее время, когда натиск правительства на Черноморцев ведется более интенсивно, чем на порабощенную уже Украину, политика Кухаренко находит себе оправдание в создавшемся положении. Она осталась та же и после того, когда Черноморского Войска уже не существовало и Кухаренко уже стоял во главе новообразовавшегося — Кубанского.

Для нас, казаков, весьма важно такое суждение о нашем Атамане, как устраняющее всякую возможность подозрения его в измене Казачеству и честолюбивых замыслах, в которых его обвиняли. Оно делается еще более важным, если принять во внимание, что высказывалось все это в начале семидесятых годов прошлого столетия, т. е. почти десять лет спустя после эпопеи, повлекшей за собою обвинение Кухаренко; следовательно во время, когда уже миновал острый период возбуждения и была возможность более хладнокровного обсуждения событий и при том людьми, лично не участвовавшими в событиях, следовательно, более об'ективными в суждениях и выводах.

Последний ком грязи на дорогую для нас могилу Кухаренко был брошен, кажется, в 1912 году, когда на собрании общества изучения Кубанской области, не помню кем, был сделан доклад, в котором деятельность Кухаренка во время переселения казаков за Кубань трактовалась с довольно не симпатичной точки зрения.

На собрании я не был, но, ознакомившись с ним по отчетам местной печати, я тогда же сделал набросок статьи, в которой имел в виду внести несколько иной взгляд на трактуемый в докладе вопрос. Набросок этот был мною прочитан сыну Кухаренка, Александру Яковлевичу, который просил меня обождать с ним, обещая доставить некоторые документальные данные к высказанным мною взглядам, но вслед за этим заболел и умер, а затем наступил 1914 год и последующие события, при которых уже не было возможности возвращаться к этому вопросу. В настоящее время, пользуясь появлением в печати трудов Кухаренко и тем интересом, который возник к личности столь крупной в истории собственно Черноморского Войска, а затем и Кубанского, я считаю своевременным вспомнить о событиях, послуживших поводом к обвинению Атамана.

(Продолжение следует).

С. Савельев.

Ложь, возведенная в правду.

„Общероссийский" эмигрантский фронт против Вольного Казачества и, даже шире, против Казачества вообще составился. Как настоящее напоминает времена 1917 года! Тогда вся „российская демократия" изливала потоки грязи, лжи, клеветы на покойного Донского Атамана А. М. Каледина, демагогически распинаясь в симпатиях к „трудовому" Казачеству.

Злобой шипела развратившаяся солдатня и политические жонглеры, единым хором травя и охаивая Казачество. В конце-концов Вр. Российское Правительство стало во главе этой кампании и усердно проводило разложение в казачьей среде, деля его на трудовое и нетрудовое, на отцов и детей, на фронтовиков и станичников.

Главное несчастье во всем этом, основное зло было в том, что нашлись предатели в самом Казачестве (Голубов, Ногаев, Подтелков и т. д.). Это предательство в самой казачьей среде есть наибольшее зло его, зло историческое: стоит вспомнить предательство атаманов Разина, Булавина; предательство в целом всего Дона атаманами Корнилием Яковлевым, Фролом Минаевым, этих пособников Москвы и С.-П-урга.

Всегда такие предательства прикрывались высшими интересами, высокими российскими государственными „побуждениями". Казачество верило и за это платилось потоками крови, материальными благами.

Ныне цикл Голубовых, Автономовых, Подтелковых продолжается...

Полтора года российская печать, бессильная бороться против идей В. К., лишенная хотя бы правдоподобной аргументации против этого чисто народного движения, на свет Божий не выходила, лишь старательно подготовляя, подбирая, собирая, часто сама сочиняя, всевозможные сплетни, клевету, ложь.

Эта русская пресса была бессильна бороться справедливым способом против В. К., ибо последнее основано на ясно и определенно выраженной народной воле, на основных законах Всевеликого Войска Донского, первая статья которых гласит: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства": на выполнении принесенной Донскому Государству присяги и на почитании атрибутов суверенности войска: гимна, национального флага, печати.

Вот почему составившая единый фронт против Казачества российская эмиграция, лицемерно распинаясь в симпатиях к „славному" Казачеству (г. Мейснер не понимает всю оскорбительность для казаков в его устах это „славное"), все свои усилия направила к личному дискредитированию руководителей В. К., пользуясь для этого исключительно ложью и клеветой.

Чем отличается нынешняя российская эмиграция, в рядах которой имеются и профессора, и адвокаты и общественные деятели „со стажем 4-х Государственных Дум" от „революционной демократии" 1917 года? Разницы никакой — та же ненависть и злоба к Казачеству, желающему быть самим собою, использование в борьбе против него лжи, клеветы, и то же благодушно-барское похлопывание по плечу и лицемерное восхваление „казачков", добровольно впрягающихся в Московское ярмо.

Со стороны идеологической и ясно выраженной народной воли течение В. К., естественно, неуязвимо и никакая словесная диалектика русских ученых ораку-

лов не в силах помешать стихийному и естественному росту этого движения.

Вот почему все русские эмигрантские газеты с усердием, достойным лучшего применения, уцепились за ложное, провокационное выступление бессовестного мальчишки Глазкова, сознательно возвели ложь в правду и на этом построили свое „тяжелое орудие" для разрушения казачьей крепости. Что же делать, когда иного способа нет? Приходится пользоваться всякой грязной ложью!

На основании этого „доклада" русский Мейснер в „Последних Новостях" и русский Варшавский в „Возрождении" „расписали" целые страницы. А сам „папаша" Милюков с риском подорвать ценность всех своих передовиц, закатил длинную передовую статью. Ничего, что источник, „материалец" слишком сомнительного, грязного происхождения. Пока правда выяснится, может быть, можно будет в ком нибудь вселить сомнение!

Всем известно, что „доклад" исключенного из Вольного Казачества Глазкова является сплошной ложью и никого из присутствовавших на нем ввести в заблуждение не мог. Но для г.г. „русских патриотов" нужна не правда, а источник, „материалец" для размазывания ненавистного им В. К. Они, по обязанности „русских", должны поверить всякой лжи, направленной против Казачества вообще, а В. К. в особенности.

Ухватившись за ложь Глазкова, русские газеты забыли отметить факт смыкания сменовеховского фронта и появления на докладе пьяных молодцов. Об'яснение простое — эти пьяные молодцы „возмущались" В. К., так сказать, составляли русский народ. И умолчание о сменовеховцах находит себе об'яснение. Перед лицом „грозной опасности" освобождения народов от жестокой власти красной Москвы все „русские патриоты" питают глубокую благодарность к большевикам — „новейшим собирателям земли русской" — за их кровавое подавление народов и подчинение их власти Москвы и в нужный момент готовы поддержать большевиков всеми силами.

Эта психология является ключем к пониманию вопля русского Мейснера. Забудутся все преступления, простятся все дьявольские злодеяния большевиков, но „не может и не должно быть прощения" вольным казакам, „этого не должно случиться", „борьба с ними должна быть последовательной и беспощадной", „будем помнить имена и дела их"...

Только напрасно он, видимо, в состоянии запальчивости и раздражения, так нахально-развязно выложил на стол все нутряное, свое враждебное отношение к подлинному Казачеству. Ведь и без его признания казаки прекрасно знают безграничную к себе вражду г.г. Мейснеров и с своей стороны „будут помнить имена и дела их".

Цинизм Мейснеров и Варшавских дошел до крайнего предела. Они, по старой привычке безнаказанно оскорбляют Казачество, все движение В. К. называют „невежеством", „галиматьею" „скупкой казачьих душ", „голодным желудком" и т. д. и т. п. Тем самым они задним числом эти звучные эпитеты прилагают ко всенародно-избранному Донскому Войсковому Кругу. По логике этих господ Донской Парламент, в силу своего „невежества", „голодного желудка", занимаясь „галиматьею", „скупкой казачьих душ", выработал и утвердил Конституцию Донского Государства, которую защищает В. К.

Г.г. Варшавские и Мейснеры, задним числом оскорбляя и издеваясь над Донским Кругом, бесстыдно-нагло издеваются и оскорбляют сотни и тысячи казаков, которые считают знамя В. К. святостью Казачества и которые со всех концов мира присылают в Редакцию В. К. восторженные и благодарственные письма, предлагая свои услуги, помощь. По логике Варшавских все эти казаки продались какому-то злому дяде, скупающему оптом и в розницу так легко и дешево продающиеся казачьи души и они пыжатся „найти средство изгнать этих людей"... Люди без роду и племени, в каждом европейском городе обретающие себе Родину, беззастенчиво-нагло оскорбляют, называя продажными душами казаков, в борьбе за свою Родину проливших потоки своей крови и готовых пролить за нее свою кровь, стремящихся к своей Родине, где они родились, росли, жили, боролись, где каждая пядь земли орошена казачьей кровью, казачьими слезами.

На „докладе" Глазкова было мало казаков. Этого обстоятельства „русская пресса" не отметила. Не отметила она и другого обстоятельства: принесения „докладчиком" глубокой благодарности „всем, кто помог составить доклад" (доклад был написан).

Т. о., сенсация, „разоблачение тайн" свелась всего лишь к „составлению тайн". Люди умышленно отказываются понимать самую простую вещь, а именно, если и есть тайны в В. К., то они таким лицам, как Глазков, не доверяются.

„Последние Новости", как было выше сказано, отозвались не только статьей россиянина неизвестного происхождения Мейснера, но и длинной передовой. Да разве могли не воспользоваться таким случаем?

В своем чрезмерном старании и в порядке партийной поддержки г. Мейснер через 6 мес. подробно отмечает доклад В. Харламова, состоявшийся 8 декабря прошлого года, отмечает „злобу и злопыхательства" на том докладе молодых людей: Глазкова и Колесова.

Известно, что выступление последних на том докладе было самочинное и было осуждено В. К. Поэтому, несмотря на то, что В. А. Харламов своим тогдашним докладом дискредитировал себя, показав полную свою несостоятельность, В. К., не желая отмечать выступления Глазкова и Колесова, не напечатало отчета об этом докладе.

Мейснер (равно и Варшавский), как на главный аргумент против В. К., указывает на то, что донские казаки говорят русским языком, а потому, мол они русские (великоруссы). Смеем уверить, что казаки никогда себя не считали и не считают великоруссами, Великороссом не считал себя даже Харламов. По крайней мере он сам заявлял об этом. Название „русский" ранее, когда существовало Российское государство, имело политический смысл. Тогда оно могло относится и к казакам.

Теперь же название „русский" пристало к казаку также, как пристало бы к чеху название „австриец", когда Австро-Венгерская империя прекратила свое бытие. Теперь название „русский" не может иметь иного смысла, как великорусс.

Разве евреев б. России потому только, что они все говорят и пишут по русски, можно назвать русскими или великоруссами? Мы, конечно, понимаем положение лиц, потерявших национальность. Но мы боимся назвать русскими (великоруссами) Мейснера, Варшавского, даже если они христиане.

Русская эмиграция есть представительница умершей Российской империи. Но уничтожило, умертвило ее не Казачество, а сами „русские" люди.

Казачество создало свои государства, свои Конституции. У казаков есть Основные Законы и своя присяга.

Деятельностью, работою вольных казаков руководит не „идеалистический романтизм", а долг перед Казачеством и присяга, данная „перед Всемогущим Богом и перед Святым Его Евангелием и Честным Крестом... быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству".

Г. Мейснер очень обрадован, что „на с'езд сепаратистов прибыло 4 кубанца... а донская группа организационно порвала с В. К.". Как он, так и обрадовавший его „докладчик" слышали звон, да не знают где он. Известно также, что никакой „донской группы" В. К. нет, а есть два-три человека, изгнанные из В. К.

Никакого разделения в В. К. и вообще в Казачестве на отцов и детей нет. Это „достижение" русской культуры, слава Богу, среди казаков не прививается.

Нам непонятно злопыхательство всей русской эмиграции в адрес Польши. Мы решительно отвергаем это злопыхательство. Польша, как и многие другие, славянская страна. Польский народ славянского происхождения так же, как и казаки. Большинство казачьих полков служило в Польше и Казачество лучше, пожалуй, знает Польшу, чем Великороссию.

Казачество своей борьбой защитило Западную Европу от большевизма, и не Белая армия (Врангеля), а

Польша докончила эту защиту, явилась последним оплотом. Она продолжательница, после Казачества, борьбы в общечеловеческом масштабе. И мы убеждены, что эту роль Казачества и Польши оценит в конце концов все человечество.

Демагогия русских великодержавников не знает предела. Растерявши все духовные ценности, уничтожив все живое, поклоняются и пытаются воскресить мертвое. Мертвые оплакивают мертвых. Бросают обвинения в измене и предательстве, в расчленении того, чего нет — России.

И „Последние Новости" устами Мейснера признают это и не находят ничего лучшего, как призывать: „Сейчас, когда в эмиграции ставится остро задача борьбы за русскую культуру, за русскую национальность, за сохранение в беженских рядах живого патриотического сознания — борьба с перебежчиками (?!) должна быть последовательной и беспощадной".

Не отрицаем значения русской культуры, но у Казачества свое понимание этой культуры и далеко не все в ней ему нужно. Есть в ней великие ценности, но также есть и великий блуд. Исторические вопли о защите русской культуры лишь свидетельствуют о том, что сами так кричащие не верят в непреходимую ценность русской культуры, ибо истинное достижение культуры ни в какой защите и спасении не нуждается.

„Российские люди" выдают вольных казаков ненавистниками великорусского народа. Ложь: мы никого не ненавидим, мы только отстаиваем законные, человеческие права Казачества, право по своему устраивать свою казачью жизнь, право иметь свою Казачью Власть.

Большой неожиданностью для нас является примыкание к сменовеховскому фронту и газеты „Возрождение", стоявшей до сего времени на платформе активной борьбы против большевиков.

Конечно, от идеологии Вольного Казачества до идеологии „Единой Неделимой" была дистанция огромного размера. Но была точка соприкосновения — активность борьбы против большевиков. Но, теперь и эта газета примкнула к общему хору голосов русских людей, требующих бережного отношения к большевикам, „преодоления соблазна... ускорить падение большевицкой диктатуры"...

Заканчивая свою статью, мы с удовлетворением можем вспомнить проникнутые глубокой верой, ныне оправдавшейся, пророческие слова Франтишка Палацкого, гениального вождя Чехословацкого народа в самый мрачный период его исторической жизни: „Была Чехия до Австрии, будет и после нее".

Было Казачество до России, будет и после нее.

Мы этому верим.

И никакая ложь, демагогия, провокация не в состоянии убить в казаках эту глубокую веру в неизбежность, рано или поздно, возрождения Вольного Казачества.

О. Батурин.

Странички прошлого.

Во время войны казаков с большевиками в 1918—1919 г., мне не раз приходилось проходить через разграбленные хутора и аулы. В боях под хуторами Королькова, известного коннозаводчика на Дону, я обратил внимание на кучу мусора, из которого торчали какие то „дела", в синих обложках. В Кубанском походе, печатные строчки были для меня редкостью из за постоянных боев и передвижений. Два разрозненных „дела", как материал для чтения, я положил в свой вещевой мешок. Эти „дела" оказались из архива Кубанского Жандармского Управления в г. Екатеринодаре, Бог весть каким путем попавшие на Дон. В этих делах меня, как казака, заинтересовали пожелтевшие от времени листки с перепиской Кубанского Областного Правления с Жандармским Управлением о сопротивлении „властям", оказанном жителями, „без'имянного" поселения Ейского отдела, Кубанской области. Просмотревши эти дела, я убедился, что переписка идет о т. н. „Дурноселовском" бунте.

Проживая на Кубани неподалеку от селения Дурноселовка (ныне станица Челбасская, Ейского отдела) я еще в детстве слышал от стариков-казаков „страшные" рассказы о том, как разоряли и усмиряли „ихнюю" станицу „рассейские солдаты". В станице Челбасской мне приходилось бывать довольно часто и я всякий раз пользовался случаем, чтобы осмотреть находящиеся вблизи станицы, к юго-востоку, развалины от некогда там стоявшего поселка Дурноселовка. Большие неприятности могут произойти для лица, хотя бы случайно назвавшего в присутствии челбасянина, его станицу Дурноселовкой. Так не любят вспоминать станичники свое печальное прошлое...

История Дурноселовского бунта по рассказам очевидцев и по мною найденной переписке таковы: в восьмидесятых годах прошлого столетия, на Кубани был известный еще земельный простор. Часто войсковые и юртовые земли, свободные от нарезки паев, сдавались в аренду. На арендованной у Войска земле, по обе стороны р. Челбассы, в юрте ст. Переясловской возник поселок. Прежде возникновения поселка, арендаторами была послана депутация в г. Екатеринодар Наказному Атаману с ходатайством о разрешении основать новое селение, на арендованной земле. Депутация была „милостиво" принята в Атаманском дворце. Депутаты, довольные ласковым приемом, вернулись домой (об этом „ласковом" приеме мне неоднократно рассказывал участник депутации).

Началась быстрая застройка селения. Слух о „даровой" земле прошел далеко и к новому поселку стали тянуться люди с разных мест. Стало это разросшееся поселение называться „Дурноселовка".

Прошло несколько лет. Селение Дурноселовка нигде не было обозначено ни на картах, ни зарегистрировано.

Во время производимых размежевальных работ в юртах ст. Переясловской и Батуринской старшим землемером Иваненко обнаружено на Войсковой земле, вместо значущейся по генеральному плану — степи, селение в триста дворов с кирпичными постройками и домовой церковью (Рапорт старшего землемера № 1237—1884 г.). Завязалась переписка, заскрипели перья в канцеляриях и, наконец, в канцелярии Наказного Атамана (забывши, очевидно, на свое разрешение) постановили „мудрое" решение: привести в „первобытное состояние", т. е. превратить цветущее селение в степь.

Легко было представителю русского правительства положить „мудрую" резолюцию, но исполнить ее оказалось не так то просто. Ссылаясь на полученное от Наказного Атамана „словесное позволение" строиться на Войсковой земле, Дурноселовцы понятно, и слышать не хотели о разрушении своего селения. Начались наезды властей в поселок. Их встречали хлебом-солью, ожидая от них справедливого решения. Наезжавшие власти то уговаривали, то грозили дурноселовцам военной экзекуцией, тюрьмой и ссылкой. Дурноселовцы твердо стояли на своем. У нас де от правительства имеется разрешение... Что хотите с нами делайте, никуда со своего селения не пойдем...

Властям „надоело", наконец, возжаться с „бунтовщиками" и они приступили к „действу". На Кубань были вызваны войска с артиллерией. До последнего момента дурноселовцы надеялись, что „их правда" восторжествует и данное слово агента русского правительства будет сдержано. Но, правда русского правительства, повидимому, не была правдой казачества. Начался разгром поселка, аресты и укрощение „строптивых". Так как вооруженного сопротивления жителями оказано не было, то разрушение строений происходило

безнаказанно. Не обращали внимания солдаты ни на мольбы, ни на плач женщин и детей, разрушали дома, убивали скот, а жителей изгоняли в степь, не позволяя ничего с собою брать.

После разгрома селения Наказный Атаман вдруг „вспомнил“ о своем разрешении. Началась переписка с С. Петербургом. (Несчастные жители все время находились под открытым небом и среди них появились эпидемические заболевания). Из далекого С. Петербурга пришло царское „Быть по сему“ и на место разоренного селения был послан землемер. В полверсте от б. Дурноселовки была распланирована новая станица Средне-Челбасская. Уцелевшие от эпидемии жители как казаки, так и иногородние были приписаны к новой станице и получили паевой надел земли. Земля необходимая для паев была вырезана от земель ст. Батуринской и Переясловской. В этих станицах вскорости началось ощущаться малоземелье... Так российское правительство облагодетельствовало казачество (и иногородних) за счет и во вред самому Казачеству...

Думы и мысли.

ЛЕТОМ.

Как волны моря рожь колышется,
Цветет и колосится рослая пшеница,
Синеют васильки, порой взметнется птица,
Из леса четкий зов кукушки слышится...
Порой горячая волна спелеющих хлебов
Нахлынет и п'янит волнующим дыханьем.
Все, все как „там“... Увы, одним воспоминаньем
Мгновенно все отравлено, как ласка
Среди крестов там павших казаков.
И воздух уж не тот, и птицы здесь другие...
Иные все переливы дней... И домки под черепицей
Здесь чужие просторам дорогих, родных моих полей...
Моих родных полей, что морем необ'ятным
На сотни верст кругом раскинулись и спят...
Увы, быть может, крепким сном, — но, говорят
Во сне мне языком для казака понятным,
Что нет других полей, других лесов и пашен,
И что нигде, ничто, — ни что их не заменит
И сердце никогда родному не изменит...

В. Ор-ов.

1-VI-29. Морава.

КАЗАЧЕСТВУ.

Ты, казачество, — муж разумный,
Любящий вольность ты свою, —
Давно уж время всем собраться
В одну казачию семью.
Довольно, братья, нам шататься
По чуждых партиях бояр,
А время нам в Верховный Круг собраться,
Начать самим свою судьбу решать.
Зачем чужие нам кумиры,
Зачем нам чуждые вожди,
Зачем московские программы,
Что нашу землю размели,
Отцов и братьев полонили:
Расстрел или чека — таков удел,
А матерей, детей и жен
В Соловки далеко отвезли...
Так время, братья, нам встряхнуться
Отмстить наследие Петра
И вновь поднять Святое Знамя —
Свободу, волю казака!

Коалов. (Куб.).

10-VI-1929.

Нас зовут.

На первых страницах „Р. К.“ № 2 нас, казаков, зовут. — Куда?

Г. Мельников (редактор этого журнала) на странице 33 № 16—17 „Вестника“ открещивается от „политической позиции“, которую казаки, приписывают ему и его окружению, которых они иногда называют „милюковцами“. Г. Мельников пишет, что одни считали их, т. е. его и его друзей, „благодаря соответствующей обработке противников“ — самостийниками, другие — милюковцами, третьи — социалистами.

Постараюсь раскрыть эту „политическую позицию“. Я буду идти к ней ориентируясь по нижеследующим данным и думаю, что ответ найду, куда нас зовут.

Первые данные газ. „П. Новости“, № 2734 (выдержка):

„Представитель общеказачьего с.-х. Союза во Франции извещает казаков, проживающих во Франции, что представительство устраивает (за свой счет) лекции, снабжает книгами, а также оказывает содействие по отысканию труда и проч. Адрес: А. П. Марков, редакция газеты „Последния Новости“. И еще выдержка из № 2804:

„Сегодня общеказачьим с.-х. союзом в Сансе устраивается лекция проф. А. П. Маркова на тему „Россия и самостийники“. Лекция состоится в помещении русского клуба. Начало ровно в три часа дня“

Само представительство с.-х. союза закрыло свое отделение в Париже. В последнее время прекратил свое существование и жур. „П. Казачества“, а представитель его проф. А. Марков перешел в „П. Н.“ это первый ответ на вопрос куда нас зовут.

В „Пос. Новостях“, № 2903 я встречаю статью: „Приветствия политических организаций“, где г. А. П. Марков от демократического казачества приветствовал юбиляра г. Милюкова, которого правые круги назвали „батькой еврейского народа“. Это второй ответ куда нас, казаков, зовут.

В брошюрке „Казачье об'единение для борьбы за родину“ (1928 г.) на 19 стр. казаки встретят: „профессор А. Марков (казак Войска Донского), а на странице 2 этой же брошюрки говорится: „Люди верные, преданные казачьему делу и хорошо нам известные“...

Никто не имеет право оскорблять пост Войскового Атамана. Пост Атамана выше отдельных лиц, как выше и того генерала, который унизил свой народ, как точно и правильно определил казак в жур. „Вольное Казачество № 34. Но... у ген. Богаевского правая рука не знает, что делает левая, которая работает по об'единению для борьбы за родину, где некоторые из чинов окружения его и подчинение ген. Богаевскому по об'единению пробили тропу в редакцию „Пос. Новостей“. Левая рука его, наоборот, не знает, что делает правая, а поэтому он правой рукой в 1926 г. произвел в сторону г. Милюкова „выстрел“. Ген. Богаевский писал, что по вине г. Милюкова погибло свыше 20 миллионов русского народа. Этим „выстрелом“ (как видно, дипломатическим) и дымовой занавесой маскируются и нас, казаков, зовут все туда же.

Во имя кого нас зовут?

Мы знаем, что во времена монархии нас, казаков, преследовали (расправа Петра I и др.) так, как ни в одном государстве не преследовался, не только самый сильный и здоровый народ государства, но и самый слабый. Постепенно и втихомолку казаков расказачивали. Думала ли Россия о том, на кого она будет опираться в самую критическую минуту своей жизни?

Социалистическая партия сразу взялась за преследование казаков: „Казакам надо потесниться“. Коммунисты нам известны. Теперь, осталось дело за умеренной российской группировкой, носящей название республиканско - демократической партии, возглавляемой г. Милюковым и издающего газ. „Пос. Новости“. Для характеристики этой группы я буду воспроизводить выписки из тех № газеты, которые касаются общерусских вопросов, связанных с казачьими делами. Юбилейная статья „П. Н. Милюкова и национальный вопрос, № 2903 „П. Нов.“:

„П. Н. Милюков недаром пользовался в черносотенных кругах репутацией „еврейского батьки". Он был и останется неизменным сторонником и защитником еврейского народа".

Ниже из этого же №. „Его деятельность оставила живой след в истории украинского вопроса, армянского, грузинского и др."

Выписка из №. 2887: „Чаяний этих было много, но главные из них были: 1) Земля — мужикам; 2)„ Свободы" — русским интеллигентам и... 3) Равноправие — евреям".

Что же казаку? Вскользь упомянули об украинском, армянском, грузинском вопросах, евреев не забыли №. 2903 и 2887, а казака не заметили. Как видно, казак будет доволен тем, что ему укажут адрес редакции „Пос. Нов." и прочтут обманную лекцию „Россия и самостийники", люди „верные, преданные казачьему делу".

Правые призывали казаков защищать монархию. Левые призывают защищать еврейское равноправие. Все казаков призывают защищать и всех казаков кормять крохами, падающими со стола своего...

Как получается глупо! Во всяком случае и на основании приведенных выдержек, казак в состоянии сделать свой вывод, а в доказательство своего вывода я привожу выдержку из статей „Двухсмысленная позиция" „Пос. Нов." №. 2643. Вот она:

„Выступление новоявленной группы казаков-самостийников, — журнала „Вольное Казачество", — естественно вызвало возражение со стороны всех групп, состоящих на почве признания казачьих областей частью России".

Значит, казачьи области есть Россия, а поэтому казаку — ничего.

Дальше, выдержка из юбилейной передовой статьи №. 2903:

„Но не только приветствовать хотели мы дорогого редактора, а и горячо поблагодарить его за то, что за 8 лет своего редакторства нашел он в себе силы, чтобы создать из „Последних Новостей" крупное русское национальное дело".

Тяжело их понимать, но понимать приходится так, что без еврейского равноправия, русский народ не представляет полной нации или вообще не в достаточной мере национален.

Такое же явление можно наблюдать у „казаков". Казаки не народ (См. статью проф. А. П. Маркова в „П. Нов." от 30 дек. 1927 г. за №. 2473. Казачий народ в кавычках).

Казаки до Петровских времен жили самостоятельно и эту самостоятельность осуществили и мы в 1917, 1918 и 1919 г. г. и этой самостоятельностью жили и живем. Жить самостоятельно может только народ! Судя по статье проф. А. П. Маркова, впечатление получается, как от „крупного русского национального дела". Казаки без русского крестьянина отдельного народа не могут представлять, а последний без еврейского равноправия не представляет полной нации. Допустим, теперь, что мы, казаки и русские, не завоюем евреям равноправие, а создадим другой государственный строй, то на это они заблаговременно отвечают. Привожу выдержку из №. 2895 „Пос. Нов." статья: „Что нам не нравится" (по поводу книги В. В. Шульгина, реплика еврея):

„Если вы создадите государственный строй, который нам не даст равенства, строй, вредный для наших интересов и унизительный для нашего достоинства, мы этот строй всеми нашими силами будем подтачивать и разрушать. Тайно и явно".

Слушайте вы, все русские люди, мимо своих ушей не пропускайте, а слушайте все, вплоть до дома Романовых.

Если евреи требуют от России равноправия и соблюдения своих интересов, то почему казаки не имеют права говорить с Россией, как равный с равным и защищать свои интересы? Мы сейчас рассеяны по всем государствам мира. Дало ли нам, эмигрантам, хоть одно государство равноправие?

Впрочем, в чужой редакции толку и законов для казака не найти но... возьмите все: „Инф. Листки", „Сводки", „Вестники" и „Р. К." и пойдите в свою редакцию B-d Chauvelot (1, Villa Chauvelot). Докажите г. Мельникову, что „Инф. Листки" опровергают „Сводки", а „Сводки" „Вестники", и „Вестники" „Р. К." и наоборот. Скажите г. Мельникову, что получился плетень-плетнем и затянут паутиной для ловли казачьих изнеможденных душ. Ловят, словно, пауки мух. Сосут. До чего довели казаков. Заступиться за них же казаки не в силах, ибо сами обезоружили казаков на политическом фронте, а военный и боевой фронт пал давно. Казаки, убитые горем, бродят по всем государствам, как бродили в лесах Кавказа. На казаков из редакций нападают „зеленые". Есть и шакалы.

Обстановка в Париже та же, какая была в Петрограде в 1917 г. Те же люди: г.г. Керенский, Милюков и др. К сожалению, Казачество снова заснуло тем же сном, каким оно спало в конце 1917 и в начале 1918 гг. История повторяется.

Г. Мельников, будучи Пр. Д. В. Круга в 1917 и 1918 гг. всю вину свалил на казаков фронтовиков. Эти года — целая трагедия для Казачества. В 1926 г. он валил вину на казаков монархистов, а ныне валит на казаков самостийников. Благо, что есть на кого сваливать. Г. Мельников роковой человек для Казачества. Сейчас он подвел новые мины под Казачество. Казаков подготовил не к восприятию переворота, а к китайской неразберихе. В 1918 г. казаков от сна разбудил Атаман Каледин. Сейчас будит от сна Фельдмаршал — от-Науки. Помози Боже!

Во имя чего же так Казачество снова минировано? Привожу вторую выдержку из реплики еврея „Пос. Нов." №. 2895. Вот она:

„Великие, благодатные просторы самой богатой в мире страны перед ними открылись. Сибирь, Алтай, Кавказ. Вся страна — открытое поприще для их энергии, предприимчивости, труда, капиталов". Дальше: „Десять-двадцать лет спокойной деятельности — да русские евреи были бы сильнее и богаче американских и, быть может, еще влиятельнее!"

Нам же, казакам, на странице 3 „Р. К." №. 2 дают совет и зовут „Чуждые „самостийности", ведущей к раздроблению России, превращению некогда могущественной державы в ряд мелких, враждующих между собой уделов — на радость недругов соседей, — мы зовем вас, казаки, быть верными нашей великой Родине!"

Почему ген. Богаевский не посоветует этого русским „испытанным друзьям" (см. №. 2895), которые собираются только торговать и продавать богатства России, а с ней и богатства наших Краев, ради блестящего будущего еврейского народа в Сибири, Алтае, и на Кавказе. Нас же, казаков, призывают отказаться не только от сибирских, алтайских и кавказских богатств, но и от богатств Родных Краев. Так ценят кровь наших прадедов, дедов и отцов. Так ценят нас.

Мы слышим о колонизации евреями Крыма и если они говорят о богатствах: Сибири, Алтая и Кавказа, то надо думать, что в будущем при „равноправии" должна в названных местах произойти колонизация, а если не колонизация, то концессии. Попробуйте тогда выбраться из рук их, когда евреи заберут все богатства России и Казачьих Краев, восстановив коммерческую связь с американскими влиятельными евреями.

Вторая выдержка из „Р. К." №. 2: „Наши деды и отцы, ковавшие некогда вместе с русской Армией могущество и славу России, — не глупее нас были". — Утверждаю, что наши деды и отцы не глупее нас были. Прежде, чем ковать могущество и славу России, они строили свои городки (хутора и станицы). В военном отношении обносили канавами или валами и таковой вал сохранился и до наших дней, который идет вразрез Царицын, Воропоново, Гумрак к Качалинской ст. и носит название „Древнего вала". Построив могущество своих городков, (хут. и станиц) прадеды, деды и отцы наши помогали ковать славу России. Так делают хорошие хозяева. Сначала построят свои курени и свое хозяйство, а потом уже помогают соседям. Плохие же хозяева, строят чужое хозяйство, а свое потом. Не хотите вы из „Р. К." №. 2, вернее из „Русского края" смотреть правде в глаза, а обходите ее окольным путем.

Третья выдержка из „Р. К." № 2 „Не в маленьком, бедном, обремененном долгами и налогами „самостийном государстве, никем не признаваемом, — счастливы будут казаки". Не настолько малы наши Казачьи Земли в отдельности, не говоря об Юго-Восточном Союзе, насколько оне кажутся ген. Богаевскому. Братья казаки, вы читали Осважные, вернее, газеты Деникина в 1918 и 1919 гг., в которых казакам писали следующее: Петроград, Москва и др. центральные губернские города находятся без топлива; паровозы отопляются дровами и старыми шпалами; хлеба в крупных центральных городах нет, выдают черный хлеб похожий на землю; нет соли, керосина и дегтя. Правда была это или нет? Многие из вас, казаков, были в рейде ген. Мамонтова и ген. Шкуро. Казаки, участники этих рейдов, знают, что забирало население из коммунистических кооперативов при взятии: Тамбова, Козлова, Ельца, Воронежа и др. городов. Кажется, население брало: соль, деготь, керосин, а потом уже и другое. Не ели ли вы, братья-казаки, не соленые щи, картошку и кашу? Не возили ли вы за собой в мешках соль? Не видели ли вы, что черный хлеб был похож на землю? Не видели ли вы, что паровозы отоплялись дровами и шпалами? Теперь подумайте, сколько угля шло для России и кроме этого вывозилось заграницу. Сколько шло керосина соли и дегтя и вообще смазочных веществ с Юга для России или вывозилось за границу. Кроме этого, казаки платили налоги. Какие? Сальские и Правальские степи поставляли 50% конского состава для Русской Армии. Десятина земли для коннозаводчиков отдавалась по очень дешевой цене (в копейках), а природный казак платил, если он арендовал или покупал паи в Хоперском округе по 3 и 4 руб. за десятину. Кто у нас были коннозаводчики, вы это знаете и если были казаки, то сколько их? Разве сейчас Дон не платит прямые налоги, не говоря о косвенных? Двадцать тысяч десятин в Сальском округе отведены под Крупповские заводы. Неужели Казачьи Края по богатству ниже Эстонии, Латвии и Литвы, живущих каждая в отдельности и Президенты этих маленьких государств так не унижают достоинство своих Земель, как унижает ген. Богаевский достоинство Тихого Дона, Вольной Кубани и Бурного Терека.

Ген. Богаевский пишет, что он в № 14 и 15 „Вест". подробно об'яснил: „Почему эта „самостийность" не нужна. Я, казак, твердо знаю, что самостийность есть плоть, есть кровь Казачества, высказанная на Большом Войсковом Круге и превращенная в Основные Законы Всевеликого Войска Донского. Статья 1 говорит: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства". (См. Осн. Зак. В. В. Дон. 15 сент. 1918 г.). На этом базируются самостийники и достойно защищают и будут защищать все Осн. Зак. В. В. Донского через свой печатный орган-жур. „Вольное Казачество" и как достойно и своевременно было отвечено ген. Богаевскому в № 35 жур. „Вольное Казачество".

Ген. Богаевский должен прямо писать и говорить, что не нужны Осн. Зак. Всевеликого В. Донского. Маскироваться, раз'яснять и об'яснять не рекомендуется. В свое время ген. Богаевский прибегал к Осн. Зак. В. В. Донского, а поэтому указывал и писал некоторым казачьим генералам и офицерам, что Осн. Законы Войска ясны и точны. Вот, что он писал по поводу 10 лиц: „Указанный выше призыв 10 лиц равносилен призыву казаков к нарушению казачьих конституций, в частности — к нарушению основных законов Всев. Войска Донского, принятых Большим Войск. Кругом 15 сент. 1918 г. в атаманство ген. Краснова. Основные законы В. В. Д. как и других казачьих Войск, определенно и ясно указывают..." (См. „Инф. Листок" № 11, стр. 7, от 10 марта 1925 г.).

Еще одна выдержка из „Р. К." — „Русского Края„ № 2. Слова ген. Богаевского: „Далеко не все русские люди плохо относятся к казакам". На эту выдержку привожу его же ответ. Пусть сам же ген. Богаевский и ответит нам, казакам. Ответ этот гласит: „Помните, что нас, казаков, никто не любит: ни русский народ, который не забыл еще усмирений казаками разных волнений, на которые старая власть не решалась послать другие войсковые части, ни те, кто всегда смотрел на нас, как на нечто низшее, плохо воспитанное, грубое, кому нужно только „приказывать" („Вестник" № 4, апрель и май, 1926 г., стр. 7).

Что же завтра нам, казакам, напишут? Один Бог знает. „Помните, что нас, казаков, никто не любит"...

10-VI-1929. Франция. **Иван Скобелин.**

Казаки о „В. К."

(Из писем в редакцию).

I.

Глубокоуважаемый И. А.!

Прежде чем написать письмо, разрешите пожать вашу честную руку, руку истого казака, поднявшего брошенные родные знамена.

Я живу в глуши Болгарии и занимаюсь рыбной ловлей. Кроме болгар нет никого: ни русских, ни казаков.

Сначала, по приезде в Болгарию, я выписывал „Казачьи думы", но они, не успевши расцвесть — отцвели; осталось одно: болгарские газеты и журналы из библиотеки прогимназии. Наконец, достал у станичного атамана 6 номеров „Путь Казачества"; прочел и увидел, что это не казачий путь, что он, хотя и постепенно, но сворачивает на север, к Москве.

Подумал, подумал и плюнул: лучше совсем не читать, чем волноваться. В июле прошлого 28 года ко мне явилась депутация из 4 человек и не из нашей станицы, а из соседней. Явились они ко мне с приглашением прибыть в Горно-Ореховице 27 июля вечером, т. к. 28 приезжает Войсковой Атаман Богаевский. Меня же соединенные станицы просят встретить Атамана приветственным словом и поднести ему наш традиционные хлеб-соль.

Я согласился, но предупредил, что буду говорить лишь в том случае, если меня не обяжут какой либо программой. Они охотно согласились. Двадцать восьмого собралось в гимназии более 100 человек казаков (русские, несмотря на приглашение, отсутствовали). В 7 часов вечера прибыл Атаман, которого я встретил речью приблизительно такого содержания:

— Ваше Превосходительство, господин Атаман! Собравшиеся здесь казаки двух станиц приветствуют тебя, наш отец и просят принять нашу казачью хлеб-соль, и пожелать тебе здоровья и силы для несения многотрудных твоих обязанностей. Давно стоишь ты на своем посту, стой и еще; крепко держи и выше поднимай знамя вольного казачества и не преклоняй своей головы перед титулованными дезертирами казачества, а властно и грозно повелевай и приказывай, как подобает главе великого народа, военные доблести которого известны всему свету. Помни, что ты не один, за тобой стоим мы, вольные сыны Дона, Кубани и Терека, готовые каждую минуту поддержать тебя не только своими голосами, но и головами. Мы все готовы идти спасать свою родину и лишь ждем твоей властной команды. Но, помни одно, что путь казачий ясно намечен. Нам ясно видно с кем нам по пути. И довольно нам быть пасынками России. Она умерла. Младшие ее дети уже живут своим хозяйством, а нам и Бог повелел устроиться по своему.

После моего слова он поблагодарил, принял хлеб-соль и начал свой доклад, который был чисто информационного характера и продолжался около трех часов. По окончании доклада мы перешли в один из ресторанов, где ему была предложена чашка чаю. Здесь, в частном разговоре, он высказал свои соображения и мысли, что мол казачество и мало и бедно, а главное имеет такого соседа-колосса, который, дескать, не помирится с отделением от него казачества.

Я же не соглашался с ним, указав ему на самоопределение народов и на вновь образовавшиеся малые государства, которые прекрасно справляются со всеми трудностями, несмотря на то, что они во много раз и меньше и беднее нас — Казачества.

Ответа я не получил, т. к. начались песни. Вообще же казаки в громадном своем большинстве решили, что Атаман обласкан Москвой (Россией) и тянет к ней.

В ноябре я заболел и попал в русский госпиталь в Тырново. Со мной в одной палате лежал сотник К. — донец. Лежу я и перечитываю старую русскую литературу, да пишу мелкие рассказы, думая, что если им здесь не придется увидеть свет, то издам на Дону, а в крайнем случае пусть внуки узнают, что переживал их дед. Прошло более месяца.

Лежу однажды и читаю журнал „Дело" за 1878 год... Ко мне подходит сотник и спрашивает:

— Вы, г-н полковник, читали последний номер „Вольного Казачества"? Очень интересный!

— Не только последнего, но и первого не читал — ответил я, удивленный. Я и не знаю о существовании такого журнала. Да позвольте, не „Путь ли Казачества" опять переименовался?

Нет, г-н полковник, это не „П. К.", а совершенно другой, но в нем то и есть настоящий наш путь.

— Не читал, Зах. Дм., будьте добры, дайте прочесть.

— Сейчас!

И через минуту я уже весь погрузился в чтение 26 номера в статью „Праздник Вольн. К-ва", но мне не суждено было сразу его прочесть, я так заволновался, что сердце не выдержало и сделался сердечный припадок. Сотник быстро убрал №, а прибежавшая сестра сделала впрыскивание камфоры. Вот как произошло мое первое знакомство с глубокоуважаемым Вашим журналом „Вольное Казачество".

Я увидел, что мечты всей моей более чем 50-ти летней жизни, мечты, завещанные мне еще покойным отцом — сподвижником Бакланова, мечты, которые было сбылись и вновь рухнули — еще не погибли.

Я увидел, что нашлась небольшая горсточка людей — истых казаков, которые смело подобрали брошенные наши родные знамена, гордо их развернули и заговорили на весь мир настоящими словами Вольного Казачества. Разрешите мне, глубокоуважаемый И. А., сыну Тихого Дона, принести Вам и Вашим соратникам мою искреннюю, горячую и сердечную благодарность за вашу много-полезную и так необходимую в изгнании деятельность.

Остаюсь глубоко уважающий вас Ваш покорный слуга, депутат I Большого Войскового Круга (Калединского)

В. И. Б... бин.

II.

Многоуважаемый Г-н Редактор!

Приношу сердечное спасибо за присланный мне журнал „Вольное Казачество". Несмотря на то, что дух, направление, цели и задачи журнала мне слишком родны, дороги и близки, я не мог, да и вряд ли смог бы когда либо выписывать какие бы то ни было журналы здесь, заграницей, так как по инвалидности не могу работать, а живу на пособие Красного Креста и других случайных пособий. Все же те номера журнала, которыми меня снабжала Н. А., укрепляли меня в том, что напрасно наши враги торопятся поставить над нами крест, говоря, что казачество отжило, сыграло свою роль. Это распространенное мнение русских людей, с которыми мне приходилось и приходится встречаться. Мне же лично кажется, что напротив, казачество начинает все больше и больше крепнуть и обязательно вырастет в будущем в могучий, крепкий дуб. Я потому сравнил казачество с дубом, что мне пришел на память недавний случайный разговор с полковником из Латвии, который в тяжелые дни смуты был на Дону в Новочеркасске. Не знаю какое отношение он имел к Атаману, но только он, этот полковник говорит, что в то время он советывал Каледину идти в Петербург — поддержать могучий дуб — Россию, на что ему Атаман, якобы, ответил:

— Прогнивший до корня дуб никакими силами не поддержать. Пусть же лучше уцелеет здоровый сук — Казачество и даст от себя здоровые, сочные побеги.

А я верю в пророчество его слов. Еще раз спасибо.

2-VII. **Уважающий Вас Н. П...**

III.

... Приветствую журнал „В. К." Идея журнала раскидывает сети все далее и далее... И где рядовой казак не увидит этот журнал, то рад до конца, что им открывают дорогу, которую они искали...

10-VII. **Р. С-хин.**

IV.

Дорогой С. Б.,

„... теперь насчет журнала Вольное Казачество. Я понимаю так, как там у вас написано. Я очень желаю иметь тесную и неразлучную связь с казачеством навсегда, и так надо каждому сознательному калмыку. Очень часто так разговариваю с своими собратьями, идти за нашими братьями, которые с Вольным Казачеством работают и бьются над возрождением нашего народа и созданием молодого казачьего государства. Молю Бога, чтобы это увенчалось счастливым успехом и приношу мою признательность всем, кто работает в журнале „В. К." и протягиваю свою мозолистую правую руку из далекой Франции".

Б. Кутушов.

V.

... Журнал читают проживающие здесь кубанские и донские казаки и очень за это благодарят, т. к. таким образом они знают о настроениях казачества и сохраняют связь со своими земляками, не чувствуя себя одинокими на чужбине. Честь и слава сотрудникам „В. К.", выполняющим свой ответственный перед Казачеством труд.

Югославия. 16—VII. **Н. С—ко.**

Не казаки о „В. К."

Високоповажний Пане Редакторе!

... Бажаю всього найкращого. Дай Боже Вам сили і успіху в праці. Ми, українці, дуже добре розуміємо на своїому власному приміру, як є Вам тяжко, — кілько болота летить на Вас замісто подяки — за Вашу роботу. Було так і з нами. Не було московської газети, аби не кричала: „изменники, немецкие шпионы, предатели"! Так кричали всі москалі від Яблоновського до Керенського в першу добу нашої праці на ниві національного відродження. Але подивіться тепер. Чія перемога, — бодай моральна. Тепер за нами широкі народні маси і ми з певністю можемо сказать, що до осягнення нашої конечної мети уже недалеко..

Так є і буде з Вами.

Ще раз бажаю всього найкращого.

Прийміть щирий, сердечний привіт від

20—VII—29. **Лівобережця.**

Международная жизнь.

После английских выборов.

Первые шаги нового английского правительства приносят, наверное, не мало разочарования всем тем, кто расчитывал на превращение Англии из „центра мировой реакции" во главе с Чемберленом в оплот социализма и поле для социалистических экспериментов. По крайней мере все то, что сделало до сих пор новое правительство ни сколько не свидетельствует об „экспериментаторском" настроении его членов.

Ясно учитывая положение своей партии в

парламенте и общее соотношение сил, Макдональд, повидимому, решил просто идти по линии наименьшего сопротивления. Таким направлением является область внешней политики, где можно пока что пожинать плоды работы ушедших консерваторов. Пацифические идеи рабочей партии могут прекрасно развиться на почве проведенной раньше предварительной работы по вопросу о разоружении на море и достигнутых соглашений с Америкой. В вопросе „ликвидации последствий войны“ Макдональду предстоит в ближайшее же время воспользоваться результатами законченой конференции экспертов. По вопросу о возобновлении сношений с СССР рабочее правительство тоже повидимому не собирается предпринимать чего либо в спешном порядке и ограничилось на первых порах лишь опросом мнений правительств своих доминионов и приглашением большевиков для предварительных переговоров. Даже больше: есть данные полагать, что свою политику в этом отношении Англия будет сочетать с политикой С. Штатов, к которым новое ее правительство явно „поворачивается лицом“.

Наконец, в области борьбы с безработицей намеченные правительством меры тоже далеко не революционны: все дело выделено в особое министерство во главе с Томасом; последний обещает снизить число безработных путем увеличения на год срока обязательного посещения школы и увеличения размеров рабочих пенсий, дабы старики-рабочие предпочитали получать пенсии, нежели пособие для безработных. Число безработных это уменьшит, но безработицу самое, конечно, нет. Что же касается проекта общественных работ, то он намечается в том же виде, в каком его предложил во время выборной кампании Ллойд Джордж.

Таковы первые начинания рабочего правительства, свидетельствующие, что английский социализм остается верен своему эволюционизму. Английское рабочее движение не знает революционной традиции в том смысле, как знает ее континент. Особенности английского парламентаризма не могли ее создать, ибо рабочие массы всегда могли овладеть властью без всяких революций, но обычным парламентским путем.

Рядом с этим нельзя не отметить и другого обстоятельства, придающего специфический характер интересам английского рабочего: заинтересованность в удержании гегемонии торгово-промышленной в руках английских предпринимателей и колониально-морском могуществе страны. Лишь такого рода преобладание Англии над другими державами гарантирует английскому рабочему постоянную работу и хорошую ее оплату. Вот почему в Англии можно видеть такие „парадоксы“, что чисто рабочие округа в районе Ньюкастля и Лонкашира голосуют за консерваторов, а один из промышленных центров страны с почти исключительно рабочим населением — Бирмингам — оказывается неоднократно оплотом консервативной партии.

Рабочему правительству Англии приходится считаться и с другим обстоятельством, — исключительной организованностью буржуазии. Прав был кто то, утверждавший, что контр-революционные течения среди английской буржуазии развиваются сильнее, чем революционные течения среди английского пролетариата, и что правое крыло консерваторов является более выраженной партией классовой борьбы, чем социалисты. Вспомним только единение буржуазии в минуту всеобщей забастовки в 1926 г. и сравнительную неорганизованность „левых“. В 1914 г. буржуазия Ульстера не остановилась пред формированием армии для борьбы с революционными ирландцами. При такой оппозиции ни на какие эксперименты, конечно, рабочее правительство отважиться не может.

Не следует, впрочем, впадать и в другую крайность. Нельзя забывать, что в теперешнем парламенте более сорока депутатов бывшие шахтеры, не говоря о рабочих иных категорий, что министр иностранных дел — бывший председатель второго интернационала, что генеральная забастовка 1926 г. состоялась и против воли большинства руководителей рабочих, и что идея „пролетарской солидарности“ все же в рабочих, массах настолько сильна, что Макдональд и против личного убеждения должен был сделать из вопроса о сношениях с СССР один из 3 краеугольных камней своей программы...

Располагая лишь относительным большинством и осужденная разделением голосов в парламенте на политику скорее либеральную, чем социалистическую, рабочая партия все же, повидимому, будет создавать в течении известного времени в мировой политике некоторое давление „влево“, но не больше, чем в пределах своих первых мягких мероприятий.

VII слет сокольства польского в Познани в 1929 г.

(*От нашего корреспондента*).

В конце июня, а именно 28—29 и 30, был проведен VII слет сокольства польского в Познани. По существу это был слет славянского сокольства, так как на нем были представители сокольства чешского, сербского и сокольства русской эмиграции.

В эти дни Польша, в лице своего сокольства, блестяще показала равнение на свой народ, на свою историю, на свое я. Поляки могут с гордостью сказать: „Мы исполнили свой долг перед своей Родиной и своей историей!“ И не напрасно лилась кровь лучших сынов Польши за ее освобождение. Есть Польша! Польский народ свободен!!

Со всех концов Речи Посполитой, из городов, местечек и самых отдаленных деревень и сел, десятки специальных поездов переполненных вылетевшим из своих гнезд польским сокольством, неслись к месту своего торжества в Познань.

Накануне открытия главного торжества чистый, красивый город Познань буквально был набит народом.

Тысячи соколов в парадных формах наполнили кафе, рестораны и запрудили улицы.

Всюду слышится короткое, бодрое сокольское приветствие: „На здар!, Здраво!, Чёлем!

И несмотря на то, что эти приветствия произносились на разных языках, людьми в различных парадных формах, людьми разных национальностей, чувст-

вовалось одно великое, целое славянское сокольство, сливающееся в одно могучее святое слово брат!

День главного торжества начался прекрасным июньским утром. Солнце, как бы решив не томить ожиданием этого дня, умывшись вчерашним дождем, в полной красе выкатилось ранее обыкновенного. Навстречу ему, как бы славя его появление, со всех концов города понеслась музыка, наполняя звуками бездонную голубую высь.

Из школ, казарм и фабрик (где были размещены соколы) стройными рядами, со знаменами шли сокола и соколицы на свое bojsko sokolske — на стадион.

В 10 часов на стадионе началось торжественное богослужение. Торжественно-стройное пение хора, величественно-могучая сила оркестра, религиозный под'ем молящихся, благоговейное величие хотя и чуждых нам слов священнослужителя, все это какой-то непонятной, необ'яснимой силой заставляло клониться на колени и слова молитвы сердца шептали дрожащие губы. „Боже! Ты один для всех народов, Ты — создатель и вседержитель мира, Ты, кроток и милостив, Ты, обещавший спасти Содом и Гомору ради одного благочестивого человека, за что так жесток и немилосерд к нам?!...

И Ты, Христос, слезы вдов и сирот осушавший, щедротами и милостью об'явший мир, услышь мольбу, простри свою десницу и скорбь и слезы наши осуши!...

Кончилось богослужение. Раздалась команда. Лопнул воздух барабанным стуком. Из медных глоток оркестров вырвались бравурные марши. Вздрогнув, поплыли, купаясь в солнечном свете, разноцветные знамена и дефиле тронулось.

Десятки тысяч народа шпалерами, заполнив каждый квадратик улиц, вытянулись от стадиона по всему городу.

Город казался живым морем, украшенным несметным количеством национальных флагов.

„Да здравствует Польша!“ Рокочущим вздохом вырвалось из могучей сокольской груди.

„Да здравствует!“ раздался в ответ ураган человеческих голосов, от которого содрогнулась земля. Водопады цветов непрерывным потоком обрушились на движущиеся ряды сокольства. В этом урагане криков: „Да здравствует Польша, Чехословакия, Сербия... На здар, здраво, ура, виват“, растворились и затерялись оркестры.

У городской ратуши, украшенной гирляндами живых цветов и тысячью флагов выстроились сокольские знамена.

Напрасно жадным взглядом впивался я в каждое знамя, напрасно искал там родное голубое знамя с надписью: „За свой порог и угол“. Больно сжалось сердце. Хотелось выскочить из строя и крикнуть так, что бы все услышали: „Неполон ряд сокольских знамен, среди них нет еще казачьего знамени. Знайте же все, что выткалось в сердце казачьем голубое знамя и выковались в могучей казачьей груди священные слова для него —

За свой порог и угол!“...

Сокольское торжество — стало торжеством государства польского. Сокольский праздник, стал праздником всего народа польского.

В этот день народ польский гордился собой, гордился могуществом духа, своей национальной свободой, своим возродившимся вновь государством, показал уверенность, что свобода его в надежных и крепких руках. В этот день клятвенно перед лицом всех народов, мощно заявил: „Не погибнет Польша, пока жив народ польский!“... Их энтузиазм, их народный пафос нашел достойный отклик в живой славянской сокольской душе и торжество дня вылилось в могучую манифестацию славянства!

М.

В СССР.

Неоспоримые „достижения“ большевизма.

(По поводу красного террора).

На страницах этого журнала не раз приходилось и прийдется еще касаться разных дутых достижений большевицкого строительства в сфере социальной и экономической.

Нигде, пожалуй, зеленая теория желательного не расходится так роковым образом с серою практикою действительного, как в современной СССР, совершенно всуе символизируемую государственною эмблемою, составленною на комбинации серпа и молота.

В одной области, однако, творчество советского режима подлинно и безусловно успешно. Даже больше того: оно рекордно исторически.

Мы имеем в виду виртуозность и массовый характер большевицкого террора. Своеобразную самобытность и прямолинейность большевицкого чекизма.

Правда, боевой период красного террора как будто бы миновал. Московский чекизм в последнее время не афишируется так нагло и цинично, как в былые годы господства военного коммунизма.

Тем не менее, время от времени он оскаливает свой звериный зев и поражает мир гнусным своим лицом, доказательством чего могут быть зверски-безрассудные недавние московские казни, всколыхнувшие совесть всего культурного человечества и вызвавшие массовые протесты по эту сторону большевицкой границы.

Более всего страшен этот красный террор там, где он хищнически притаился в концентрационных лагерях и местах политической высылки. Тут он совершает кровавую свою работу не при помощи нагана, но помором — голодом и холодом — медленно убивает свои бесчисленные жертвы.

СССР усеяна такими открытыми могилами заживо погребенных. И среди этих „лагерей смерти“ — один на вековечные времена будет записан на страницах истории, как вопиющий пример ужасного издевательства и нечеловеческой какой-то жестокости.

Это — знаменитые Соловки, так хорошо известные Казачеству в прошлом и еще лучше в настоящем.

Не раз кровавые и трагические события в Соловках обращали внимание Европы, довольно равнодушной после войны к ужасам террора — и на время заставляли содрогнуться человеческую совесть.

Большевиков это, однако, мало смущало и они продолжали свое кровавое дело профессиональных заплечных мастеров.

Недавно бежавший из этого острова смерти латышский матрос Грубе — снова приподнял таинственную завесу над тем, что творится там под маскою коммунизма.

Его повествование о соловецком режиме, где заключенные холодом и голодом предумышленно и систематически сводятся в могилу — своею простотою и безыскусственностью вызывает чувство невыразимого словами ужаса.

Не хочется как то верить, что такие зверства может делать режим, претендующий на роль наилучшего социального реформатора и обещающего миру всеобщее счастье всех и каждого...

Больно и стыдно, что культурный мир так равнодушен к этим зверствам, что не кому прогреметь на всю Европу новым обличительным „не могу молчать!“

Досадно, и не понятно, почему Л. Льондр, — этот талантливый французский писатель и публицист, который свое перо посвятил обличению современных социальных язв и так мастерски изобразил ужасы французской заокеанской каторги, безнадежной эксплоатации черной расы колониальным режимом, без'исходную кабалу „белых рабынь“, почему он не напишет книги о белом ужасе Соловков и не покажет миру гнусное „лицо медузы“ красного террора, этого неоспоримого и величайшего достижения большевицкого режима.

Только тогда бы и там он мог найти соответствующий сюжет и материал для дальшего тома своего сочинения „Dante n'avait rien vu“ (Данте ничего не видел), — ибо, конечно, ад гениального итальянского поэта — является довольно невинною фантазиею по сравнению с кровавыми и зверскими злодеяниями большевицкого чекизма.

Приходится пожалеть, что международное общественное мнение после войны так заглохло, отупело. Иначе оно должно бы было стихийно протестовать против большевицких террористических изуверств, ибо они не менее ужасны, чем Бостон и недавнее дело невинно казненного в Германии Якубовского....

Настанет время, когда Европа и мир будут краснеть за то, что молчали и не реагировали, как следует на красный террор московских заплечных дел мастеров.

О. Д.

Казачья эмиграция.

Глубокоуважаемый Господин Редактор!

Благоволите поместить в дорогом нам Вашем журнале „Вольное Казачество“ следующую заметку:

Ознакомившись из №. 39 журнала о публичном „разоблачении“ г. Глазковым деятельности „Вольного Казачества“ мы — Вольные Казаки-Кубанцы, проживающие в Дрваре (Югославия) считаем своим долгом еще и еще раз заявить во всеуслышание г. Глазковым и им подобным проходимцам, что никакие их „разоблачения“ не поколеблят нашей веры в святое дело „Вольного Казачества, что к подобным типам мы относимся только с полным презрением. Ряды Вольных Казаков с каждым днем растут, ибо слишком для них убедительно, искренно и правдиво живое слово „В. К“. Вам же — „Вольному Казачеству“ мы шлем до сырой земли поклон и уверение в искренной к Вам нашей преданности.

18—VII—29. Дрвар-Босна **Антон Черный**
Иван Иващенко
Петр Передерий
Федор Перекипний

Гончаровцы о выступлении Глазкова.

... По вопросу о выступлении с докладом г-на Глазкова („орган. крах В. К.“) Правление от имени (Братиславского) Куреня выражает свое глубокое возмущение и акт этот расценивает как предательство и измену В. К.

Недоразумения, шероховатости должны быть. Бороться с ненормальностями надо, но только не вынося сор из хаты и честным путем, не смешивая понятия личного самолюбия и общественной пользы.

Наша поддержка за Вами...

Г. Редактор!

Не откажите в братской любезности поместить на страницах „В. К.“ нижеследующее:

Довожу до сведения В. К., что дерзкое выступление дезертирствующего (с поля битвы) г. Глазкова, с целью нанести сокрушительный удар В. К., никакого смущения или разногласия в ряды В. Казачества не внесло. Все в. казаки попрежнему глубоко верят в идею и цель, бдительно охраняют то священное знамя, которое Вы водрузили...

Да здравствует несокрушимое В. Казачество!

П. Кудинов.

Господину Редактору журнала „В. К.“

М. Г., Господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить в одном из ближайших номеров „В. К.“ нижеследующее наше заявление.

22 июня сего года г. Глазков В. сделал „доклад“ на тему „Организационный крах В. К.“, где наряду множества других ложных утверждений, позволил себе абсолютно вымышленное заявление по адресу нас, калмыков-сотрудников „В. К.“

Считая, что этот „доклад“ является публичным поношением казачьего имени перед аудиторией, состоящей в большинстве из людей, чья „неискоренимая, почти инстинктивная враждебность к казакам вообще, — за то, что они казаки*) не подлежит никакому сомнению, мы, дорожа честью казака, охраняя его достоинство, сочли для себя унизительным присутствовать на нем и не могли там же опровергнуть эту гнусную ложь по нашему адресу вымышленную и пущенную в массу исключительно с провокационной целью. Делаем это опровержение теперь на страницах доступного нам казачьего печатного органа.

Как нам передают присутствовавшие на этом „докладе“ казаки, г. Глазков сказал, что „калмыки (т. е. сотрудники „В. К.“) собираются отторгнуть от Дона Сальский округ“...

Сознавая, что Глазкову, как вольному казаку, стремящемуся к отделению Дона от России и, надо полагать, с землей, не приличествует протестовать против естественных стремлений Донских калмыков — присоединиться к основному ядру своего народа и, если надобно отделиться, от Дона, конечно с землей, на которой извечно они сидят, мы, во имя восстановления истины, категорически заявляем, что утверждение Глазкова — наглая ложь. Отторгать Сальский округ от Дона у нас намерения нет, не в наших это интересах, ибо большинство его населения — калмыки — считали и считают себя членами единой семьи Донского Казачества.

Конечно, ставя себе задачу национального возрождения нашего народа, мы, естественно, стремимся к национально-территориальному и административному об'единению всех частей нашего народа, живущих в различных областях Востока Европы.

Но, в этом своем стремлении, мы совершенно отделяем Донское Казачество в смысле оберегания его достоинства, его прерогативов и в том своем предложении, против которого, якобы, протестовал г. Глазков, мы сделали специальную оговорку. Вот она: ... „об'единение калмыков — казаков с Калмыцкой Областью должно и может явиться как завершение всех мер к об'единению донских казаков — калмыков с Калмыцкой Областью и по законодательном одобрении Донского Казачества в Донском Войсковом Круге“...

Кроме того, мы исходим из глубокой веры, что для возрожденного и восстановленного единого Казачьего Государства — Казакии — не составит особенной трудности внутреннее территориальное размежевание между отдельными областями и оно найдет достойную и благородную форму для разрешения этого внутреннего вопроса.

Из всего этого для всякого, кто совесть свою не закупорил в крепкий чугунный ящик, кто, по калмыцкой поговорке, не наложил войлока на лицо свое, чтобы скрыть стыд, ясно, что г. Глазков, мягко выражаясь, солгал.

Мы, родившиеся в казачьей семье, всю свою жизнь проведшие в казачьей среде, свои лучшие годы отдавшие на службу (три года германской войны, три года войны с большевиками) в рядах близких нам донских казаков, своею Родиною почитающие родной нам Дон, никогда не пожелаем нанести какой-либо ущерб Донскому Казачеству, как и Казачеству вообще.

Можно говорить о нашем заблуждении, о неправильном понимании нами интересов и путей спасения Казачества от тяжкого ярма красной Москвы, но ни

*) Белое Дело кн. IV.

один честный казак не посмеет предположить в нас злой умысел в отношении Казачества.

Об этом должен знать даже Глазков. Но, тем не менее, он, в силу утраты чувства меры, чувства чести, чувства казачьего достоинства, в качестве „обойденного", руководимый исключительно чувством личной мести, с развязностью заврвавшегося 20-ти летнего мальчишки стал на путь циничной демагогии, вымышлять по нашему адресу ложь, провокацию гнусными, „бабьими" сплетнями, поношениями доброго казачьего имени перед враждебной к казакам вообще, а к Вольному Казачеству в особенности, аудиторией тщетно пытался дискредитировать высокую Казачью Идею...

Мы, с возмущением отвергая всю многоэтажную ложь г. Глазкова, не можем называть его „доклад" иначе, как провокационным. Всякий казак, разум которого, по калмыцкому выражению, не заменен дохлой собакой, поймет всю подлость и преступность выступления Глазкова, избравшего высшим судьей в казачьих делах разных „русских" Мейснеров, Варшавских и т. п. зоологических врагов Казачества. Также казаки достойным образом оценят поступок Глазкова „давшего" г. Варшавскому точную копию своего „доклада".

Далеко от Родины, в условиях изгнания, при безграничном враждебном отношении всех „русских патриотов" тяжелое это дело — бороться за подлинные казачьи права, за возрождение Казачьей Власти, Казачьего Государства. Эта тяжесть неизмеримо отягощается предателями из казачьей же среды. Так было в прошлом, так есть теперь и — так будет в будущем? В семье не без уродов.

Но „пыли не скрыть золота" — говорит калмыцкая поговорка.

Точно также драгоценную и сверкающую, как золото, Казачью Мысль, Казачью Идею не скрыть и не убить пустыми словоизвержениями, различными „документами" всевозможным Глазковым вкупе с „русскими патриотами" Мейснерами, Варшавскими...

С. Балыков, Ш. Балинов.

Кубанцы в Париже.

Хочу сказать несколько слов о жизни кубанцев в Париже.

Как в других государствах, так и здесь казаки организованы в станицу, которая официально называется: „Кубанская станица в Париже". Станица возникла давно, а именно в 1924—1925 г., когда во Францию, в частности в Париж стали прибывать казаки. Первыми деятелями в момент возникновения станицы были: Хунцария, Курочка, Мащенко и др. Странную линию вели эти господа; они совершенно не считались с желаниями казаков, а сами направляли свою работу по такому руслу, которое казалось им весьма полезным для казаков.

Тогда же в Париже существовало, блаженной памяти почившее „Казачье Об'единение", которое возглавлялось „чистейшим" казаком войска Донского графом Граббе. К голосу этого „Казачьего Об'единения" и прислушивалась тогда Кубанская Станица, или вернее ее Атаман, доктор Мащенко. На негодование отдельных казаков, что доктор Мащенко действует по указке графа Граббе, всякий раз следовали заверения, что де — это так только кажется и что он, Мащенко, старый казак и понимает как нужно вести дело. Такое неопределенное и двухликое положение окончилось тем, что казаков у Мащенко почти не осталось и в это время в Париже было организовано „Кубанское Демократическое Об'единение".

Главными организаторами этого об'единения были: Д. Е. Скобцов, полковник Семенихин, Карганов, Макаренко, Ковалев и др. Работа этого об'единения в самом начале шла навстречу казаку. В те времена много было разговоров о возможности устроиться казакам на землю испольщика, но, как это сделать, никто толком не знал. Кубанское Об'единение пригласило г. Фобриканта, который очень подробно ознакомил многолюдное собрание кубанцев (в ресторане Крым) с вопросом о посадке на землю. Свою деятельность об'единение закончило не совсем красиво. В среде правления об'единения оказался платный агент большевиков, который склонял казаков к возвращению в Сов. Россию. Это обстоятельство заставило насторожиться казаков, стали побаиваться, задавали себе вопрос: да не все ли они большевицкие агенты? Опасения были напрасны. Как только полк.Семенихин проявил себя большевицким агентом, правление об'единения оповестило через печать всех казаков, что он исключается из состава об'единения, а так же предостерегало казаков быть осторожными с Семенихиным.

Я упомянул об об'единении только потому, что бы указать путь, каким шли казаки в то время в Париже. Вернусь опять к д-ру Мащенко.

Как я говорил выше, его политика была неясна. Нужно было ждать случая, который заставил бы Мащенко сказать определенно; кого он слушает: казаков и Атамана или графа Граббе? Случай не заставил долго ожидать. К войсковому празднику (это относится к 1926 г.) в Париж ожидался Кубанский Атаман генерал Науменко. Возник вопрос о чествовании Атамана, а так же и о том, чтобы отпраздновать праздник всем кубанцам вместе. Тогда в Париже существовало четыре кубанских организации, а именно: Кубанская Станица, Кубанское Демократическое Об'единение, Клуб „Кубанский Сокол" и сотня Алексеевского военного училища. Эти четыре организации (их правления) собрались на совещание с целью выработать программу праздника. На первом заседании все шло гладко. Была избрана комиссия из 5—6 человек, которая и должна была выработать программу праздника.

Программа была выработана и на втором заседании была доложена. Всех она удовлетворила. Но вот Мащенко встает и говорит, что первым пунктом программы должно быть: посылка телеграммы „Верховному Вождю Николаю Николаевичу". Если это не будет удовлетворено, то они, т. е. он с некоторыми членами правления будут праздновать с граббовскими казаками. Его требование удовлетворено не было, и он праздновал действительно с граббовской группой. Кубанцы же с остальными казаками отпраздновали свой праздник вместе с другими казаками и своими Атаманами.

Вскоре после этого наступило время перевыборов и Мащенко окончательно был отстранен от общественной деятельности. После этого во главе станицы стоял Скобцов, но т. к. г. Скобцов перед этим возглавлял демократ. об'единение, к которому у казаков родилось недоверие по причине указанной мною выше, то и здесь, уже на должности Атамана, люди относились к нему и его правлению с некоторой осторожностью, все побаивались: не найдется ли тут еще один большевицкий агент.

Это я обрисовал жизнь казаков в прошлом, теперь коснусь того, как живут казаки в настоящее время.

В начале этого года были произведены перевыборы станичного правления. Атаманом станицы избран И. К. Перегордиев, членами правления: Макаренко, Меркулов, Глазков, Уваров, Бадиев, Чикильзин и Копылов.

Пословица говорит: „цыплят по осени считают", но уже теперь можно сказать, что как сам Атаман, так и члены правления избраны удачно. Атаман Перегордиев, всеми средствами старается встряхнуть казаков, иногда прибегает к способам, вызывающим даже улыбку, но нельзя заподозрить его в том, что к известному способу он прибегает с какой либо иной целью, кроме пользы для казаков. То, что раньше было только проектами, теперешнее правление энергично проводит в жизнь. Ведь всего три месяца существует новое правление, а уже есть некоторые результаты. Одному казаку, больному туберкулезом, была оказана посильная денежная помощь, а теперь ему исхлопотано место в санатории. Давно и много говорилось о создании казачьей кассы взаимопомощи, но дело дальше пожеланий и постановлений не шло. Новый же Атаман, немедленно приступил к организации кассы взаимопомощи. На первом же сборе был прочитан устав кассы.

Новое правление организовало хор, которым управ-

ляет хороший музыкальный и строгий регент. Хор поет уже хорошо и скоро выступит на сцене.

Большая разбросанность казаков, препятствует развить работу более энергично, хотя и того, что сделано последним правлением достаточно. Предшествовавшие Атаманы и правления и этого не сделали.

В следующей корреспонденции я подробно остановлюсь на всех тех явлениях казачьей жизни, которые могут быть характерны для местной обстановки.

15—VII—29 г. Париж. **Еф. Якименко.**

В Бельгии.

12-го мая на состоявшемся в Брюсселе сборе „Об'единенной Казачьей Станицы в Бельгии" помощник станичного атамана доктор Ретивов сделал подробный и обстоятельный доклад о деятельности правления за 1928 год. Доклад был одобрен, и станичный сбор постановил выразить правлению благодарность.

Принято было несколько новых членов, подавших заявление о принятии.

Предложенный правлением проект о сооружении хоругви (в память пребывания казаков на чужбине) был единогласно принят. По приблизительным подсчетам, хоругвь эта обойдется в 1500—2000 фр. Расчитывают на добровольные посильные пожертвования, как казаков, так и некоторых русских и бельгийцев „неравнодушных" к казакам.

Произведены были выборы членов правления и ревизионной комиссии.

Станичный атаман ген. Рафалович, помощн. атамана доктор Ретивов и писарь — казначей сотн. Острецов переизбраны были „par acclamation".

Доверенным избран есаул Невский.

Ревизионная комиссия: полк. Хмелевский и И. Егоров.

Платовцы.

Сегодня проводили из Белграда с утренним пароходом хор Казаков-Платовцев.

Скрипнули мостки... И будто еще привязанный к пристани невидимыми нитями, речной пароход медлит выбиться своими подводными железными крыльями на середину серебряной воды...

Но вот образовалась щель, маленькая, бурлящая волнами пропасть стала рости все больше и больше...

— В путь.

— С Богом, родные певцы...

Они стоят на палубе большой группой, с ними и Кострюков — казак-регент.

Мы теперь знаем и Платовцев и Жаровцев.

Платовцы — душа Казачества, певучесть его, ритм, кровь...

Жаровцы — искусство, искусство и еще раз искусство...

Платовцы — родное близкое, понятное казачьему сердцу, гордое и разгульное.

Жаровцы — ремесленники.

И кто бы не хвалил Жарова и как бы не хвалил — казаки знают Платовцев. Платовцы — наши.

И у них искусство — не одна ли художественная красота в песнях — „Эй, ухнем..." и „Стенька Разин..."

Но, у Жаровцев душа в „Эй, ухнем...", а у Платовцев она не здесь...

Не место в русских песнях казачьей душе...

Слушайте, где она у них живет:

— „Победитель был врагам... Слава донским казакам..."

„С одного края Кавказа, на другой его конец..."

— „Ой-да не из тучушки..." — ширится, растет, разливается, рвется вдохновением казачья песня и просятся другие понятные нам слова: „Это горе нам не вгоре..."

Два концерта в Белграде и один в Панчево и дальше по реке — выплывают расписные острогрудые челны...

— Чьи Вы?..
— Дона мы...
— Куда?..
— В Индию...
... Бог в помощь!

———

В театре в ложах — приглашенные Войсковые Атаманы и казаки.

У платовцев первое место Избранникам Казачества.

Это не поступок Жарова в прошлом году в Королевском дворце, когда он, загородив собой Атамана Терского, первый поспешил представиться Сербскому Королю, а когда Атаман вошел в комнату, где Жаровцы ужинали, чтобы поговорить со своими казаками, никто ему даже стула не пододвинул, не то что бы пригласил к столу...

Они ели, а Атаман стоял...

Не в обиду, а в назидание...

О Войске не забывать никогда...

Быть прежде всего казаками, а потом артистами...

Иначе — прочь лампасы, долой — казачьи пояса...

— Чьи Вы?..
— Мировые!..
— Куда?..
— За долларами...
— Скатертью дорога!..

(Соб. Кор.)

Одно раз'яснение.

В №. 33 „В. К." помещена фотография: „казаки на чужбине". 11 сего июля редакцией получено письмо от г. г. П. Спасского, К. Попова и одного из „неизвестных" с заявлением о том, что они „никого об этом не просили" и никогда разрешения никто из них не давал никому. Уверяют редакцию далее и в том, что они по долгу и и совести не могут заверить ее в положительном отношении к делу В. К.

— С своей стороны ред. заявляет, что помещала она эту фотографию потому, что она для этого специально передана была в редакцию. Дело передававшего было спросить или не спросить разрешения у членов группы. Мы на себя такой обязанности взять не можем, оставляя вопрос этот на совести тех, кто передает.

Точно также, помещением фотографии, хотя бы и с одновременным помещением фамилий, мы тем самым ни в какой мере не зачисляем их ни в ряды, ни в сторонники В. К.

В Казачьих Землях.

Крупповская концессия.

„В станице Пролетарской (так переименована Великокняжеская) на базарной площади находятся аптека и кооперативные лавки. Мучной лабаз, мясная лавка, колониальная и нечто вроде станичного универсального магазина, так сказать, степной Мюр и Мерилиз. Здесь впервые, подчеркивая близость пустыни и востока, появляется верблюд, запряженный в горбатую арбу.

Как только очутились мы за пределами станицы, Сальская степь сразу раскинулась во всю ширь, разведя горизонтов круг радиусом не менее чем на двадцать километров. Степной простор за Салом ни в чем не уступает простору самого Каспийского моря. Солнце жжет ровным медным огнем и выжгло степь почти до тла и во всяком случае до голой земли. Травы на ней уже нет. Как клочья шерсти на опаршивевшем животном, чуть чуть торчат из почвы низкорослые серо-пыльные кустики полыни. Вдоль дороги ростут колючки. Вдали на юге виднеется стальная поверхность грязевого озера. Его берега и дно покрыты целебной минеральной грязью. Говорят, в праздничные дни к

озеру стекается большое количество окрестных жителей, ищущих врачевания и исцеления. Где то около Пролетарской организована грязелечебница.

Крупповская концессия лежит в самом сердце девственных земель. Ея усадьба вся выстроена заново, так как раньше здесь не было ничего, кроме убогих и редких строений степных овцеводов. Первое, что бросается в глаза в концессионной усадьбе — это совершенно ненужная сжатость и экономия места. В беспредельной степи пространство — основное богатство. Казачьи станицы раскинулись улицами, из которых самая узкая шириной превышает Красную площадь. А Крупповская степная усадьба построена в размерах, пригодных разве только для германского малоземелья. Среднюю часть первого двора занимают уборочные машины. Все, конечно, марки Круппа.

На втором дворе стоят силовые машины — трактора, паровые плуги, локомобили и прочие. Машинный парк подобран очень просто нет двух машин одинаковых — все разные, как будто их сюда не для работы доставили, а на выставку или на выкидку. Внешний же вид у них совсем не выставочный. Все они без из'ятия потеряли свою первоначальную окраску. По обе стороны двора, на котором стоят силовые машины, расположены ремонтные мастерские. С одной стороны для металлообработки, с другой — деревообделочные. Движущую силу дает небольшая нефтяная станция. Она же снабжает усадьбу электрическим светом.

Концессия за пять лет своего существования разработала всего лишь пять тысяч десятин целины. Полеводство здесь удавалось плохо, и над ним не хотели или не умели думать. Следовали обычной степной традиции. На распаханных участках девственной земли в первый год сеяли лен, а дальше гнали пшеницу. Степь со своей стороны не видела никаких оснований ломать ради концессии свои старые привычки и навыки. Ласковая, плодородная и многообещающая с весны, к средине лета она начинала дышать зноем и жаром от прикаспийской пустыни. Обвевалась горячими ветрами и выжигала на лице своем всякую растительность, кроме колючек и полыни.

От участков, на которых работает паровой плуг, мы повернули дальше в степь и ушли еще на несколько километров в ее глубину, туда где нет и признаков полевой культуры. Из-за небольшой неровности почвы показался конек камышевой крыши. В'ехав на бугор, мы увидели в ложбине вытянувшуюся длинной гусеницей и не совсем еще оконченную постройкой усовершенствованную овчарню. Невысокие стены были прочной казенной кладки. Их покрывала высокая, крутобокая камышевая крыша. Крыша была вдвое выше стен и в ней были прорезаны световые отверстия — окна. Внутри овчарни было столько света, сколько бывает в мастерских, построенных по последнему слову техники и по нормам охраны труда. Немного в стороне от заканчивающейся постройкой овчарни закладывали еще два таких же овечьих дворца. Дворцы-овчарни строят у овечьего водопоя. Из артезианского колодца вода течет по желобам и наполняет систему колод. Из них может пить воду сразу целое овечье стадо.

У колодца стоит старый овцевод Пишванов, держа под уздцы небольшую донскую кобылку. Кобыла оседлана казачьим седлом. До революции Пишванов был богатым человеком и имя его было хорошо известно в Сальском округе. Ему принадлежали отары в десятки тысяч овец, табуны донских лошадей и необозримые степные пространства. Когда над Манычем и Салом прошли революция и гражданская война, Пишванову стало тесно и неуютно в степи. Он скрылся в неизвестном направлении. Говорят, ушел в прикаспийские камышевые заросли, в которых могут прятаться и прятались целые армии, в которых, по слухам, и сейчас укрываются от бдительности советских законов старые овцеводы со своими стадами в десятки тысяч голов. Пишванов потерял своих овец. Когда утихла гроза гражданской войны, он вернулся на старые места и стал здесь в качестве служащего немецкой концессии пасти овец чужих.

Между нами шел спор о том, какого рода полевое хозяйство следует концессии предпочесть в условиях Сальского округа. Под'езжая к колодцу, сопровождавший нас агроном оборвал наш спор.

— Все эти научные доводы мало имеют значения в степной обстановке. Послушайте, что скажет этот человек, — он указал на Пишванова, — который родился в здешней степи, вероятно умрет в ней и знает ее так, как никогда не будут ее знать никакие агрономы.

— Перейдя с немецкого языка на русский он обратился к Пишванову.

— Скажите, пожалуйста, что стали бы вы делать, если бы вам отдали в полное распоряжение и в полную собственность всю концессию, со всеми ее землями?

Обветренное лицо старого хищника, ныне мирного пастыря немецких овец, озарилось лукавой улыбкой он ни на мгновение не задумался, как будто ждал этого вопроса.

— Я бы бросил все эти глупости, — сказал он, указывая рукой в том направлении, где находились пять тысяч гектаров, обработанных Круппом. — Я бы продал все машины и весь инвентарь и купил бы на вырученные деньги овец. Через несколько лет я бы был богаче самого Круппа.

В степи богатство — это овцы, все остальное — ничего. До войны мы содержали большие табуны лошадей. Невыгодное было дело, и нас принуждали к нему. Степные участки отводили только тем, кто водил лошадей. Но овцы покрывали всякий убыток. Они оправдывали все — и себя и лошадей, они смогут оправдать даже Крупповскую концессию. Кроме овец в степи ничто не приносит дохода.

Крупповская Компания усвоила полностью эту пишвановскую мудрость, основанную, конечно, на глубоком знании степи и степных условий. После нескольких лет безуспешной борьбы с суровой и неприклонной природой, концессионный план в корне перестроен. В основу его вместо полевых культур положено овцеводство. В настоящее время эта часть концессионного хозяйства находится еще только в зародыше. Строят еще только первые зимние овчарни. Стадо состоит пока что только из трех тысяч маток. Численность его должна быть доведена до 35—50 тысяч голов. Овцы саксонской породы подобраны одна к другой — по росту, по шерсти, по всем статьям. Неопытному человеку не отличить одной овцы от другой".

(Н. Мир.)

Библиография.

S. N. l'Enur de Boukharie
Said Alim Kuan
La Voise de la Boukharie opprimée — Paris. 1929.

В Париже недавно появилась интересная и хорошо изданная публикация, посвященная судьбам Бухары, захваченной большевиками.

Первая ее часть, написанная бухарским последним эмиром летописно повествует в двух главах о войне независимой Бухары с большевицким нашествием, вскрывая попутно всем хорошо известные происки красных мессий из Москвы.

Вторая часть — меморандум по поводу положения дел в Бухаре, представленный в Лигу Наций.

Здесь читатель найдет содержательные и поучительные сведения о Бухаре вообще, далее о политической и административной организации этой страны, ее огромных естественных богатствах и, наконец, очерк нападения большевиков на это государство.

Книжка заканчивается биографическими сведениями об эмире бухарском, его предшественнике и бухарском герое, ген. Хаджи Осифбее Мукимбее. Она снабжена несколькими иллюстрациями и исторической картою Бухары.

Ее можно рекомендовать вниманию всех, кто интересуется означенной политикою большевиков и методами их работы на Востоке... ий.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. č/s. 54197-VII.-1920. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer, Praha-Strašnice č. 289.